

АНТОНОВ А. И.

ГОСУДАРЬНЯ

Александр Антонов

Государыня

«Алгоритм»

2002

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Антонов А. И.

Государыня / А. И. Антонов — «Алгоритм», 2002

ISBN 978-5-501-00179-4

Александр Ильич Антонов (1924–2009) родился на Волге в городе Рыбинске. Печататься начал с 1953 г. Работал во многих газетах и журналах. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. В 1973 г. вышла в свет его первая повесть «Снега полярные зовут». С начала 80-х гг. Антонов пишет историческую прозу. Он автор романов «Великий государь», «Князья веры», «Честь воеводы», «Русская королева», «Императрица под белой вуалью» и многих других исторических произведений; лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» за 2003 г. Роман «Государыня», публикуемый на страницах этой книги, повествует о жизни и судьбе дочери государя всея Руси Ивана III, великой княгини литовской и королевы польской Елены Ивановны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00179-4

© Антонов А. И., 2002
© Алгоритм, 2002

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Глава седьмая	47
Глава восьмая	53
Глава девятая	61
Глава десятая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Антонов

Государыня

© А. Антонов, наследники, 2012

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

* * *

Глава первая

Бьют колокола

В Кремле, на всех соборах и церквях, на монастырских звонницах, – всюду неумолчно били колокола. И за стенами Кремля, на все четыре стороны первопрестольной Москвы, по ближним и дальним монастырям били колокола. Их звон – набатный, тревожный, суровый – леденил кровь, бросал в дрожь и наполнял сердца горожан ужасом. Над Кремлем, над городом черной тучей с несмолкаемым граем кружило воронье. И над всем стольным градом гуляли рубиновые сполохи. Они то волнами перекатывались от Москвы-реки к Заяузыю, то валом накатывались в сторону Неглинки, а потом вдруг вкуче вздымались в небеса. В этот миг у самых отважных замирали от страха сердца, и им казалось, что огненная стихия вот-вот поднимет весь город и унесет его в звездное пространство, откуда нет возврата.

Москва горела в пятый раз на памяти одного поколения россиян за неполные двадцать пять лет. Стольный град вновь был охвачен небывалым пожарищем, с которым у москвитян не было силы справиться. Бронная улица, Котельничья, Пушечная слободы, Кузнецкий Мост – все полыхало, над всей этой протяженностью домов, палат, строений, заборов гудело пламя, сквозь гул пробивались людские крики отчаяния, дикое ржание лошадей, мычание коров – там всюду царил паника. В небо поднимались головни, горящие доски летели над пламенем, словно огненные птицы, рьяно падали туда, где очагов пожаров еще не было, где они вскоре же появлялись.

– Эко адово гульбище демонской власти торжествует! – воскликнул долго молчавший дьяк Федор Курицын, который стоял на колокольне Успенского собора рядом с государем всея Руси великим князем Иваном III Васильевичем.

– Истинно адово гульбище, и управы не найдешь, – отозвался государь. – Да ведь надо искать, надо. Говори, Федяша, что делать?

– Молвлю, государь, да не ведаю, прав ли буду. Ты грозен в ратном поле, а тут одно нам с тобой осталось: молить Всевышнего, дабы разверзлись небеса ливнем спасительным.

– Во грехах пребываем великих, вот и прогневался Создатель на детей своих. И крестного хода Господь не замечает. Аль без веры уповает на Всевышнего отец Зосима?

Иван Васильевич прижимал к груди внука, девятилетнего отрока Дмитрия, осиротевшего отцом три года назад. Его мать, Елена Волошанка, княгиня молдавская, дочь господаря Стефана Великого, еще в расцвете лет и южной красоты, стояла рядом с великим князем и держала сына за руку. Княгиня была испугана, в больших темно-серых глазах застыли слезы. Елена гладила сына по руке и изредка шептала ему на ухо:

– Уйми лихоманку, сынок. Мама и дедушка с тобой и в беде не покинут.

– Страшно, матушка. Домой бы, в опочиваленку, – с дрожью в голосе отзывался отрок.

Тогда Иван Васильевич прижал внука к себе сильнее и, склонившись, сказал:

– Я с тобой, Митяша, и все будет боголепно.

Государь не верил в сказанное им, но, кроме как словами, ничем не мог защитить внука: стихия властвовала и над ним.

За спиной великого князя стояли бояре, князья, дьяки, о чем-то вели речь, но колокольный набат глушил их слова. Государь словно забыл о свите. Болел душой и сердцем Иван Васильевич за Москву, как и тогда, двадцать три года назад, выгоревшую полностью. А спустя три года болел и негодовал: бесчинством татар была погублена Москва. Воины Большой Орды, хитростью проникнув в стольный град с караваном торговых людей, учинили поджоги. Лишь однажды разгневанная стихия расправилась со стольным градом. Это случилось пятнадцать

лет назад. После долгого суховея гроза запалила дома на Варварке и Пречистенке, оттуда разгулялась по всей Москве.

«Господи, сколько страданий, какой урон народному добру наносили пожары. Теперь вот новое несчастье. Да еще крымский хан вот-вот прихлынет. То-то поруха будет державе!»

В этот миг на колокольню влетел боярский сын Никита Свиблов. Он подбежал к Ивану Васильевичу и с поклоном доложил:

– Государь-батюшка, огненное зелье спасли, едва успели выхватить из пламени. Вывезли двадцать возов за Язу да тридцать за Москву-реку в Донской монастырь.

– Все зелье надо было везти в Донской монастырь. Надежно ли везли? Были ли ратники при нем?

– Были, батюшка, и возы кошмами укрыли.

– Однако мчи в Заяузье и вели отправить все зелье в Донской монастырь. И рьяно проследи, чтобы все упрятали в погреба. Глаз не спускать. Еще в Кожевенной слободе не упустите зелье. Головы сниму, как огонь доберется.

– Исполним, государь, – ответил Свиблов и покинул колокольню.

Сей же миг возникли новые служилые люди. Растрепанный, в копоти, дык склонился перед Федором Курицыным:

– Батюшка Федор, проси у государя ратных людей житные дворы оборонять от разбойных ватаг.

– Прихлынули-таки, вороги! – отозвался Федор. – Спрошу не мешкая государя. – Он шагнул к великому князю: – Иван Васильевич, дай сотню воинов с Ходынки. Житные дворы надо спасать от разбоя.

– Шли моим словом туда человека.

А перед Иваном Васильевичем уже возник воевода Игнат Кутузов.

– Царь-батюшка, потребно рать из Кунцева пригнать. Не управляются мои воины. Разбои всюду начались.

– Кто в тати пошел добро грабить?

– Мордва и черемисы, еще татары вольничают.

– Шли конного в Кунцево. Пусть моим именем поднимет полк воевода Пронский да на рысях ведет его в Москву, – повелел государь Кутузову.

А пожар ширился, от Неглинной подобрался к Китай-городу. «Тут и до Кремля рукой подать», – мелькнуло у Ивана Васильевича.

– Господи Всевышний, оборони нас! – воскликнул он и вознес упование к митрополиту Зосиме, который с клиром¹ и многими священниками все еще вел крестный ход вокруг Кремля, дабы Зосима упросил Спасителя накрыть своим крылом святыню России и его, великого князя, детище – Кремль.

Государю было чем гордиться: все, что уйдет после него в грядущие века, возведено его заботами и радением. «Вот и Успенский собор, которому нет равных в державе и за рубежами, – мое детище», – подумал он. Однако посильное радение о Кремле Иван Васильевич проявил и в этот трагический вечер. С первой вестью о пожаре он распорядился сотнями своих личных ратников и расставил их по всему Кремлю, по крышам хором и палат для защиты от огненных летающих «птиц». Напомнил при этом, что каждый будет наказан смертью или вечным заточением за любое, даже самое малое пренебрежение долгом. Знал государь, что страх заставит воинов бороться с огнем, не щадя жизни. Хотя по натуре своей он не любил жестокость и потому вновь и вновь возносил к Всевышнему горячие слова: «Господи милосердный, прости меня за деяния чрезмерные, помоги нам!»

¹ Клер – общее наименование служителей культа какой-либо церкви.

Ведали москвитяне всех чинов и званий – от боярина и князя до простого гражданина, до нищего – сию черту нрава Ивана Васильевича и спасали Москву не из страха, а ради чести. И в эти часы народной беды тысячи горожан от мала до велика тащили с Москвы-реки, с Яузы и Неглинной кади, бадьи, корчаги, кувшины с водой, дабы вылить ее на горящий дом, на соседний с горящим с одной жаждой – одолеть пожарище. И докладывали служилые люди государю, что на Мясницкую огонь не пустили, на Варварку – тоже, что близ Охотных рядов остановили. Но пожар все-таки набирал силу, свирепствовал жестоко, и в этот миг в Кожевенной слободе высоко в небо взметнулся столб огня, его разбросало веером, но ввысь полетели какие-то предметы, и вскоре вздрогнула под ногами от взрыва колокольня, каленым жаром отшатнуло всех от парапета, из груди Ивана Васильевича вышибло воздух, и он громко ахнул. Переведя дыхание, спросил:

– Что там взорвалось-вздыбилось? – Но ответа не дождался. – Что языки проглотили? – крикнул он. И когда вновь все промолчали, государь закричал во гневе: – Вон с колокольни! Все до единого! Туда, в полымя идите! Стольный град спасайте!

Бояре, князья, дьяки, не дожидаясь новой вспышки гнева государя, поспешили к лестнице. Вмиг на колокольне стало пусто. Рядом с Иваном Васильевичем остался лишь дьяк Федор Курицын да на каменном полу сидела княгиня Елена Волошанка, прижимая сына Дмитрия к груди. Окинув взором опустевшую колокольню и бегло глянув на пылающую Москву, Иван Васильевич и сам направился к лестнице. Он подумал, что ему должно быть среди тех, кто боролся с огнем, что должно сосредоточивать силы москвитян там, где можно выиграть схватку с враждебной силой. В государе дал себя знать дух воеводы, умеющего властной рукой направлять рать туда, где вражеский строй может дрогнуть под напором его воинов. Так было на реке Угре в сечах с ордой хана Ахмата, так было в борьбе с новгородцами. Но пожар – особый враг, и с ним впритык не сойдешься врукопашную, признался сам себе Иван Васильевич и с саднящей раной в душе от немочи тяжело ступал вниз по каменным ступеням.

На площади, близ собора, конным строем стояла сотня государевых ратников, стремени держал под уздцы его вороного коня. Он же помог государю подняться в седло. Федор Курицын находился рядом, держась за луку, и ждал повеления, а может быть, просто наказа, что ему делать. Так оно и было.

– Иди, Федяша, к моим, избавь их от маеты за животы. Господь не оставит нас в беде, – сказал Иван Васильевич и направил коня к воротам Ризположенской башни.

Следом за государем двинулись те бояре и служилые люди, коих он прогнал с колокольни. Великого князя влекло к месту взрыва, в Кожевенную слободу, словно там он мог найти ответы на мучившие его вопросы: как уберечь Москву от выгорания, как бороться с огненной стихией. Язвили государя эти мысли, и голова от них гудела словно колокол. Он стегнул коня плетью и поторопил: «Но, милый!» Конь пошел рысью. Спутники потянулись, не отставая от великого князя.

Москва походила на всполошенный муравейник во время лесного пожара. По улицам, освещенным зловещими, кровавыми бликами, бежали люди в сторону Замоскворечья и Спасо-Андроникова монастыря, куда огонь еще не добрался. «Даст бог и не доберется», – мелькнуло у Ивана Васильевича. «Не доберется! Не доберется!» – подтверждали дальние колокола. Их набатный звон не прекращался и, как показалось Ивану Васильевичу, был кстати, ибо укреплял веру в то, что Господь услышит стенания россиян и смилостивится, пожар будет побежден. Пока же стихия набирала силу. Кожевенная слобода горела вся, и добраться до места взрыва государю не удалось. Оттуда, словно из ада пекла, появился с тремя воинами князь Семен Мещерский. Вид у него был страшный: одежда опалена огнем, борода, волосы на голове – тоже, глаза дико сверкали. Он поднял руку и крикнул:

– Государь-батюшка, остановись!

– Что там взорвалось, князь Семен? Какую угрозу видишь? – спросил Иван Васильевич.

– Взорвался порох у мастера Давыдова. Грозят взорваться запасы в погребе у пороховщика Зиновьева. Два куля вытащили, а больше не могли: весь двор в огне. Ели животы унесли. Ты, государь, уходи тоже. Рванет сей миг!

Князь Мещерский, взяв под уздцы коня Ивана Васильевича, развернул его. Своевольство молодого князя возмутило государя, но он не успел выплеснуть свой гнев: его ослепило. Здрожала земля, в небо взметнулось пламя, и прогремел взрыв такой силы, что пошатнулись кони, а два всадника из свиты великого князя упали. В тот же миг на улицу посыпались обломки досок, бревен, какая-то рухлядь, утварь, кто-то из окружения царя получил удар по голове и потерял сознание. Чей-то конь вскинулся на дыбы и с диким ржанием понес всадника в сторону Кремля. Следом бежали все, кто не убоился гнева великого князя. В эти мгновения государь, крепкий духом и мужеством, и сам дрогнул. Его обуял страх, он понял, что перед лицом бушующей стихии он бессилен, что не в состоянии как-либо остановить огненное чудовище, пожирающее дома, палаты, кварталы, людей. Он погнал коня прочь и вскоре выбрался на Тверскую улицу. На ней былолюдно, и все что-то несли, волокли, лошади тянули повозки. Одни спешили к Тверской заставе, другие пробивались к Москве-реке, к Арбату. Во дворах у дверей богатых палат виднелось множество подвод, на которые холопы грузили господское добро. У Ивана Васильевича вспыхнуло желание остановить бегство горожан, вразумить их, заставить идти на борьбу с пожаром, но он понял, что они уже устали от борьбы и думали только о спасении. Он понял также, что люди обезумели от страха. Москва потеряла узду и теперь была неуправляема. «Бог с вами, люди», – подумал он.

Вновь в сознание государя ворвался несмолкаемый набатный звон. Он счел, что это хорошо, что, пока хотя бы один колокол торжествует над Москвой, она жива. Его потянуло в Кремль, чтобы утолить жажду, которая мучила и досаждала. Ему захотелось побыть в кругу семьи, может быть, сказать близким, чтобы покинули стольный град, переждали напасть где-нибудь, в Коломенском или на Воробьевых горах. Государь поспешил в Кремль.

Той порой митрополит Зосима вывел крестный ход на набережную Москвы-реки. Небо отражало в ней блики пожара, и ее скупые, медленно текущие воды были похожи на расплавленную бронзу. Остановившись на берегу реки и глянув в небо, митрополит увидел на южном окоме грозные сполохи. Догадался, что это надвигается гроза. Темные тучи приближались стремительно, ширились, охватывая весь оком. У митрополита мелькнула отрадная мысль: «Господь Бог с нами, он услышал наши молитвы».

Вскоре стало видно, как молнии разрезают тучи, как огненные стрелы летят в землю, а то и пронизывают небесный свод. И небо от них становилось багряным, как и над Москвой. Наконец до многосотенной толпы православных христиан, до всего крестного хода докатились еще глухие раскаты грома. Теперь москвитяне поняли, что приближается гроза, может быть, спасительная, та, о какой молили Всевышнего. Митрополит Зосима вспомнил, что близко Ильин день, и подумал, что Илья-громовержец спешит на помощь радивым² христианам, ввергнутым огнем стихии в незаслуженное отчаяние. Исповедник верующих Зосима подумал еще о том, что пришел самый важный час в его жизни и он должен вознести глас во славу пророка Ильи. Зосима поднялся на крутой береговой склон и, увидев в отсветах пожара и молний огромную толпу москвитян, звонким и чистым голосом возвестил:

– Православные россияне, преклоним колени на молитву.

Толпа волной опустилась на колени.

– Вознесем славу пророку-чудотворцу Илье-громовержцу, заступнику страждущих!

Зосима запел. Его пение тут же подхватили архиепископы, епископы, священники – весь клир.

² Радивый – исполненный усердия, старательности.

– Величаем тя, святой пророче Илие, и почитаем, еже на колеснице огненной преславное твое восхождение!

Москвитяне сперва разрозненно, а потом мощно подхватили пение пастыря и клира, и их голоса, казалось, заглушили раскаты грома, а затем слились с ним. Люди молились и славили Илью-пророка истово. Владыка Зосима возносил хвалу громовержцу за подвиги его во имя славы Божьей, за что был взят на небо живым в огненной колеснице. И сейчас Илья-пророк мчался на этой колеснице к людям, кои нуждались в его заступничестве. Гроза уже торжествовала над деревнями Дроздово и Беседы да вмиг и Симоново накрыла. Вот надвинулась на Коломенское и Братеево, но лишь правым крылом их задела и пошла на Москву. Молнии сверкали все ярче, раскаты грома слились в единый гул. Ветер из-за Москвы-реки гнул к земле деревья, исчезла гарь, свежие порывы благодатной стихии несли первые капли дождя. Всполохи молний и кровавое зарево пожара уже сошлись в битве. Теперь кто кого одолевает. Илья-пророк победил, и хлынул спасительный ливень. Он навалился на Москву стеной. Потоки дождя погасили рубиновые отблески пожара в небе и обрушились на пылающий город.

Все москвитяне, что собрались на берегу Москвы-реки, вскинули руки в небо и пели вместе со своим святителем: «Восхваляем тя, святой пророче Илие, и почитаем, еже на колеснице огненной мчишь к нам во спасение!» Митрополит Зосима сердечно радовался. Это его молитвами и молитвами истинных православных христиан был вызван на спасение стольного града достославный Илья-пророк и чудотворец, и теперь над Москвой властвует только он. Огненная стихия, напущенная на город вражеской или сатанинской силой, вот-вот будет поражена и наказана Божьей карой. Народ избавится от бедствия, которое могло быть непосильным одному поколению.

– Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! – повторял Зосима.

Крестный ход торжественно двинулся в путь, выше вознеслись хоругви, чудотворные иконы крепче держались в руках. Шествие, казалось, не замечало потоков воды, льющейся на спины москвитян. Они шли твердо, веря, что огненная стихия будет повержена.

Но ведомо издревле, что беда не приходит одна.

Случилось так, что едва Иван Васильевич покинул Кремль и умчался к пожарищу, как его супруга, великая княгиня Софья Фоминишна, охваченная ужасом от взрыва, всколыхнувшего палаты, спешно собралась в бегство. Такое с нею уже сотворялось. В Успенском летописце рассказывается о том, как в 1480 году великая княгиня Софья бегала со всеми чадами в монастырь на Белоозеро. Тогда она устрасилась не только пожара и ожидаемого нашествия Крымской Орды, но больше всего гнева великого князя за то, что запустила руку в государеву казну. Однако и тот раз, как и теперь, она убеждала себя, что убегала не от гнева государя, а от разгула стихии ради чад своих.

В Набережном тереме суматоха сборов продолжалась недолго. У Софьи Фоминишны все нужное в дальнюю дорогу всегда было под руками. Тому причиной был вечный страх то перед опалой от государя-супруга, то перед пожаром, то – и это чаще всего – перед татарским нашествием Казанской или Крымской Орды.

Сразу же после первого взрыва, потрясшего стены терема, Софья и все ее девять детей – дочери и сыновья, все домочадцы покинули дворец, и кто конный, кто в крытых возках и в тапканах³ умчали по Боровицкому спуску к наплывному мосту через Москву-реку. Но переправиться с ходу поезду Софьи Фоминишны не удалось. Калось, к переправе сдвинулась вся Москва. Многие десятки повозок, колесниц, тысячи беженцев со скарбом запрудили весь берег близ моста, и только силой можно было к нему пробиться. Но и по мосту люд двигался стеной, уже по колено, а кто и по пояс в воде. Десять воинов государыни взялись расчищать путь к мосту, но никто не думал да и не смог уступить дорогу. Даже обнаженные мечи и сабли не помо-

³ Тапкана – дорожная повозка.

гали ратникам: место одного, уступившего дорогу, сразу же занимали другие и бились, рвались вперед. Воины, однако, расчистили кое-как путь великой княгине. За ее тапканой и за тапканой княжичей и княжон въехали на мост возки свиты. Мост еще больше скрылся под водой, каждое мгновение канаты, удерживающие его на плаву, казалось, могли лопнуть. И тогда... Но тапкану государыни провели по мосту благополучно, четверка коней вынесла ее на крутой берег. Следом одолела реку тапкана, в которой сидели дети Софьи Фоминишны, все, кроме дочери – княжны Елены.

В полуверсте от реки Софья Фоминишна остановила тапкану, чтобы узнать, все ли одолели переправу. Она велела позвать князя Илью Ромодановского. Софья благоволила к молодому и красивому князю. Он же исправно служил ей верой и правдой. Была в этой службе и тайная причина, о которой он никогда и никому не обмолвился словом. Илья возник близ тапканы, спрыгнул с коня Казначая. Софья сказала ему:

– Иди, князь, проверь, не остался ли кто из моих за мостом. Да загляни в тапкану к княжичу Василию, на месте ли он?

– Слушаю, государыня-матушка, исполню, – ответил Илья, взметнулся в седло и повернул Казначая к Москве-реке.

Софья долго смотрела ему вслед, и у нее почему-то тревожно забилося сердце. Причины того она не поняла. Может быть, почувствовала вину перед супругом за свой неожиданный отъезд, сочла, что надо было бы предупредить государя. Она и собралась-то всего в Воробьево, откуда Кремль словно на ладони виден. Чего бы уж тут переживать. Ан беспокойство не проходило. Мысленно она повинулась перед Иваном Васильевичем, надеясь, что он простит ее за вольность, навеянную страхом, да не за себя, а за детей. Только за них и болело у нее сердце.

Князь Илья проскакал мимо десятка упряжек, заглянул в ту тапкану, где сидел княжич Василий: тот, насупившись, сидел в углу. И все, кто покинул Кремль с государыней, уже миновали мост. Не было лишь малой тапканы, запряженной парой серых в яблоках коней, в которой ехала с мамкой и сенной девицей княжна Елена. Илья помнил, что ее тапкана была третьей в ряду, когда приближались к мосту. Потом он пробился вперед, чтобы расчищать путь, и больше кареты не видел. Теперь он мучил себя трудным вопросом: как могло случиться, что она выпала из строя?

Спустившись к мосту, Илья вновь узрел столпотворение. Он попытался перебраться через мост, но его попытка увенчалась неудачей: толпа еще у берега снесла его вместе с конем в реку. Все еще надеясь, что тапкана Елены застряла на левом берегу, он ринулся через Москву-реку вплавь, потому как не мог явиться перед государыней ни с чем. Он не заметил, как накатилась гроза, как яркие вспышки молний кроили небо, как гремел гром и ливень поглотил все вокруг. Илья еще не сообразил, что ливень – Божья благодать, посланная с небес для спасения Москвы. Выбравшись из воды и поднявшись в седло, он вновь вклинился в толпу, расталкивая грудью коня всех, кто был на пути. Сверкающие молнии помогали ему окинуть оком пространство близ переправы, и он успел отметить, что серых в яблоках коней ни на берегу, ни на мосту нет. Его осенила дикая догадка, что тапкану княжны могли снести в Москву-реку, но он не дал этой догадке воли, продолжал ломиться вперед, дабы вернуться на правый берег. В нем еще теплилась надежда, что тапкана Елены переправилась туда, пока он одолевал реку, что стоит ему вырваться из людского потока, как он настигнет Елену и вернется к великой княгине с доброй вестью. Но надежды Ильи не сбылись. Он проскакал до тапканы Софьи Фоминишны, но так и не увидел экипажа Елены. Сердце его сжалось от страха и от предчувствия большой и непоправимой беды.

Остановив Казначая на обочине дороги, Илья замер. У него не было сил сделать хотя бы одно движение навстречу великой княгине. Невольно он потянул правый повод и развернул коня к Москве-реке, понимая, что иного пути у него нет.

А спасительный ливень, посланный Ильей-громовержцем, торжествовал над стольным градом, и было очевидно, что его победа близка.

Глава вторая

Удар

Гроза продолжала бушевать. С неба по-прежнему низвергались потоки ливня. Пламя пожара над Москвой всюду покорялось небесной силе. Лишь редкие огненные блики вспыхивали иной раз где-то низко над землей. Их Иван Васильевич уже не видел. Он возвращался в Кремль не спеша, хотя и вымок до нитки в своем суконном кармазинном⁴ полукафтани. Даже в сапогах было полно воды. Но это не умаляло радости, и жажда уже не досаждала. Он молился: «Господь милосердный, хвала Тебе, что не оставил Своих детей в беде», – шептал он, въезжая в Кремль. Он уже думал о том, какую посильную помощь может оказать тем погорельцам, у кого малый достаток: «Вот лесу дам им бесплатно, вывезти помогу. А там пусть поднимают-рубят новые дома, избы». Сказал об этом казначею боярину Петру Челяднину:

– Ты завтра же моим именем повели дьякам Дворцового приказа списки погорельцев исполнить. Вдов и сирот пусть выделяют. Им пошлю работных людей лес валить, вывозить во град, срубы ставить. И чтобы никого не обошли заботой.

– Справлю, батюшка. Оно, слава богу, ущерб невелик окажется государевой казне.

Иван Васильевич посмотрел на колокольню Успенского собора, подумал, что хорошо бы увидеть, как ливень распорядился огнем, да решил перед тем сменить мокрую одежду и выпить крепкой медовухи. «Оно хоть и благодатный дождь, да чреватый может быть», – предположил он и подъехал к Красному крыльцу.

Дьяк Федор Курицын видел в оконце, как появился близ палат государь, но не поспешил навстречу: побоялся прогневить его. А было чем. Наказывал же государь присмотреть за домочадцами, да не исполнил сей наказ Федор. Перешагнула его властная Софья Фоминишна, когда он сказал, что надо бы дожидаться великого князя, прежде чем оставить Кремль, теперь укатила неведомо куда. Федор, однако, был не так прост и послал с дворней великой княгине своего верного человека. Поди, к утру будет известно, куда скрылась государыня, дабы избавиться от пожара.

Однако умный дьяк сомневался, что только страх перед стихией вынудил Софью Фоминишну покинуть Кремль без ведома великого князя. Хотелось ей досадить государю, и она не взяла с собой во спасение внука Ивана Васильевича, Дмитрия, и его мать, Елену Волошанку. «Дескать, пребывайте во страхе, гордая невестка и постылый внук, а мне и дела нет», – рассуждал Федор Курицын в ожидании государя.

У Софьи Фоминишны были основания копить к княжичу Дмитрию в сердце нелюбие. В последние три года Иван Васильевич воспылал к внуку такой любовью, что забыл о всех своих сыновьях и, как считала Софья Фоминишна, в любой день и час готов был венчать его на великое княжение. Сие и породило в государыне ненависть к Дмитрию. Сама великая княгиня жаждала видеть на российском престоле своего кровного сына Василия, годами старше Дмитрия и имеющего права на великое княжение более бесспорные. Многажды Софья Фоминишна пыталась посеять между внуком и дедом вражду, но ей это не удавалось: Дмитрий чтит деда больше, чем отца.

Тем часом Иван Васильевич переоделся, выпил медовухи и собрался идти на колокольню, но вспомнил про дьяка Федора и велел окольничему Якову Кошкину позвать Курицына. Не прошло и минуты, как Федор появился в трапезной, словно в это время стоял за дверью.

– Федяша, поднимемся на колокольню, посмотрим окрест. Поди, стольный град уже под крылом Всевышнего. То-то милосердный постарался для нас, – сказал государь.

⁴ Кармазинный – ярко-алый, багряный цвет.

– Я готов, батюшка Иван Васильевич, – ответил Федор и опустил голову. – Токмо прежде выслушай недостойного раба своего, не исполнившего твой наказ.

– Что у тебя?

– Не усмотрел я твоих чад и домочадцев. Софья Фоминишна, угнетенная страхом, покинула Москву. Я просил государыню дожидаться тебя, так она переступила через мой совет.

Иван Васильевич не закричал на дьяка. Государственный муж, ума державного, был силен в посольских делах, а не в склоках с женами. У самого же государя появилась горечь на душе оттого, что Софья Фоминишна постоянно шла ему навстречу⁵. Она тоже была умна, но царствовал в ней изощренный императорский византийский дух и нрав во всем ловчить и супротивничать. Давно великая княгиня вольничала без меры и дьяка Федора Курицына не сочла за помеху. Было же: «Когда Иван III хотел одарить свою сноху, жену старшего сына, драгоценностями первой жены, то выяснилось, что Софья раздарила их своему брату и племяннице, позже убежавшей с мужем князем Василием Верейским в Литву». Своей властью Софья Фоминишна подавляла не только придворных и крепких духом бояр и воевод, но, случалось, и своего супруга, государя всея Руси. Все это перебрав, Иван Васильевич довольно спокойно сказал:

– Ладно, Федяша, не переживай. Твоей вины в том нет, ибо ей не впервой бегать. Ты мне лишь одно скажи: куда она нос наострила? Уж не в Литву ли?

– Поди, не в Литву. Но с рассветом и доложу, государь-батюшка. Мой человек следом идет.

– Надеюсь, внук Дмитрий и его матушка в Кремле остались?

– Уморились они и спят в своих покоях, – ответил дьяк.

– Вот и славно. Ну а нам пора на колокольню.

На площади меж соборами плавал чад пожарища, еще не до конца прибитый дождем. Он продолжал лить. И молнии сверкали, и гром громыхал. И били колокола, но звон их стал иным – торжествующим. «Слава Всевышнему!», «Слава Спасителю!» – вызванивали они. Или это так показалось государю, однако они бодрили дух. На колокольню следом за Иваном Васильевичем поднялись трое: князь Семен Ряполовский, боярин Петр Челяднин и дьяк Федор Курицын. К парапету колокольни великий князь подошел со вздохом облегчения: вся Москва была укрыта темным пологом. Лишь близ храма Трех Святителей на Кулишках на какое-то время взметнулся жиденький язык пламени, рассыпался на искры, да все кануло во мрак. Государь перекрестился и начал читать молитву во спасение от пожара. Князь, боярин и дьяк вторили ему. Они простояли на колокольне долго. Уже подступало утро, когда государь подумал, что пора бы и отдохнуть. Но что-то удерживало его на высоте. Хотелось увидеть Москву освещенной ранним солнцем, но не такой, какой она предстанет перед ним в язвах пожарища, а белокаменной, стремящейся вверх, подобной Риму, о котором ему рассказывала Софья в пору молодости. Как любил он слушать ее рассказы в первые годы супружества! И спасибо ей за то, низкий поклон. Ведь это по ее настоянию русские послы привезли из Рима, Венеции и Милана архитекторов и литейщиков Аристотеля Фиораванти, Пьетро Антонио Солари, Алоизо де Коркано, Ламберти, де Монтаньяно, Паоло Дебоссиса и многих других мастеров, среди них и умельцев каменного дела. Их усилиями Кремль стал таким, каким Иван Васильевич видел его каждый день и радовался тому.

Усталость взяла-таки свое: великий князь шагнул на лестницу, дабы добраться до опочивальни. Шел он по каменным ступеням медленно, осторожно, словно боялся оступиться. Да и оступился бы, ежели ведал бы, что ждало его у дверей колокольни. У подножия храма его поджидала новая беда, ударившая в самое сердце сильнее, чем весть о пожаре в Москве. Едва он сделал несколько шагов по площади, как перед ним в рассветной дымке с конем на

⁵ Встречь – здесь: против.

поводу возник молодой князь Илья Ромодановский. Он рухнул перед Иваном Васильевичем на колени и голосом, полным отчаяния, сказал:

– Государь-батюшка, вели казнить за черную весть. Не сберегли мы княжну Елену!

Облик стоявшего на коленях в воде молодого князя стал расплываться, Иван Васильевич схватился за сердце, зашатался. Боярин Челяднин и дьяк Курицын подхватили его под руки, удержали, чтобы не упал. Государь постоял с закрытыми глазами минуту-другую, глубоко дыша, и, когда боль ослабла, открыл глаза и спросил:

– Что с моей дочерью, несчастный? Что с Еленой? Куда она исчезла? Говори правду!

– Тапкана с нею пропала на ночной переправе через Москву-реку, – с трудом произнес Илья роковые слова.

– А где вы все были? Где мать Софья была, мамка Анна Свиблова? Всех вас на дыбу пошлю! – уже не владея собой, кричал великий князь.

– Мы были рядом, государь-батюшка, но толпа рассекла нас.

– И вы ее не ищите? Где воины, что при государыне? – Иван Васильевич тяжело дышал, говорил с хрипом. – Тати крошечные! Дочь потеряли!

– Государыня и воины в селе Воробьево. А княжну ищут. Вот и я с поисков.

Илья смотрел на великого князя отрешенно, и вид его был ужасен. В белесой дымке он походил на приведение. Бледное, искаженное горем лицо, глаза воспаленные, с прядей густых волос стекала вода. Он уже знал свою судьбу: не миновать ему плахи, если Елена не будет найдена. И великий князь подтвердил это:

– Всем вам быть на дыбах, всех казни предам, ежели сегодня не увижу свою дочь целую и невредимую, – чеканя слова, гневно заключил он.

У Ивана Васильевича были основания наказать виновных в исчезновении княжны Елены самым суровым образом. Он был не только любящим отцом, но еще и дальновидным государем возрождающейся из пепла державы. Сегодня в Елене он видел драгоценное достояние, принадлежащее не только одному отцу, но и всем россиянам. Знал Иван Васильевич, что во все века со времен Олеговых русские великие князья искали родственных связей с иноземными государями – королями, императорами. Сколько их, дочерей-россиянок, ушло за рубеж державы, всюду доказывая величие своего народа. Образование, которое дал Елене отец, природный ум, дарования и красота, что всегда отличало великокняжеских дочерей, вселяли в Ивана Васильевича надежду на то, что Елена может стать достойной супругой любого государя Европы. А это значит, что родятся крепкие родственные связи, взаимная помощь в години опасностей и невзгод. И все это он, государь всея Руси, терял из-за ротозейства и беспечности тех, кто служил великому князю, кто стоял при его детях, кому должно беречь животы его семейства.

Но пора было принимать меры, счел Иван Васильевич. И пока Елена находится в пределах его державы, надо закрыть все пути и выходы на рубежах ее, дабы ни мышь не проскочила, ни ворон не пролетел. И, повернувшись к тем, кто стоял за его спиной, государь сказал гневно, но взвешенно боярам, князьям и служилым людям, коих собралось уже больше двух десятков, потому как появление в Кремле князя Ромодановского не осталось незамеченным:

– Вот что, дети мои, государевы. Все сей же миг вон из Кремля, из Москвы! Поднимайте ратников, служилых, холопов, горожан, идите на все четыре стороны искать княжну Елену и без нее не показывайтесь мне на глаза: живота лишу! Действуйте разумно. Ты, Игнат Кутузов, отправь конных воинов на Каширу, дабы на реке Оке перекрыть все пути на полдень⁶. Тебе, боярин Семен, – взяв за борт кафтана князя Ряполовского, продолжал государь, – наказываю мчаться со своими воинами за Коломну и там закрыть все щели, чтоб никто не ушел за Оку!

⁶ Полдень – здесь: юг.

Внятно и быстро отдавал повеления Иван Васильевич. Князю Михаилу Вереysкому, еще молодому, но бывалому воеводе, он поручил ехать за Серпухов. Якову Кошкину было велено встать за Малоярославцем, Петру Челяднину – за Можайском.

– Следуя по пути к рубежам державы, не забудьте поднять на ноги всех воевод, старост, приставов, чтобы искали княжну, – заключил все тем же суровым голосом великий князь.

Повеления и угрозы государя возымели свое действие. Всех, кто был близ великого князя, смыло, словно волной. Лишь князь Илья Ромодановский продолжал стоять на коленях в луже. Иван Васильевич повернулся к нему и долго смотрел в глаза молодого князя. Он знал его деда, Ромодана Зиновьева. Храбрый был воевода да с честью погиб в сече с татарами на реке Битюце. Отец Ильи, князь Василий, тоже достойный и верный воевода, многожды проявлял доблесть в ратных делах, в службе на благо державы. Потому не хотелось Ивану Васильевичу ни казнить, ни наказывать отпрыска достойных князей.

– Встань, князь Илья.

Тот встал, разбитый духом, жалкий, нашел в себе силы взглянуть государю в глаза.

– Знаю, что Елена жжет тебе сердце, потому вернее тебя у нее нет защитника. Иди же, ищи мою доченьку. Найдешь – все будут прощены.

Князь Илья знал меру своей вины, недосмотр его был явный, и временную милость он принял с благодарностью, словно уже был избавлен от наказания. Ромодановский шагнул вперед, вновь опустился на колени и поцеловал руку Ивана Васильевича:

– Спасибо, государь-батюшка, я искуплю свою вину.

– А по-иному и не быть, – молвил великий князь, покачал головой и, ссутулясь от горя и усталости, ушел во дворец в сопровождении дьяка Федора.

В государевых палатах до сих пор никто не спал. К Ивану Васильевичу подошел дьяк Яков Свиблов и повел его в опочивальню. Минувя сени, они вошли в Среднюю гридницу⁷, где давались торжественные обеды и принимали иноземных послов, прошли Столовую избу и оказались в Постельной гриднице. За весь этот путь государь не промолвил ни слова, но думы, будто волны в ветреную погоду, перекачивались чередой, будоражили.

Как хорошо и успешно началось последнее десятилетие уходящего века! Сколько важных державных дел завершилось за минувшие три года! Каждый год Русь прирастала удельными княжествами, потерянными ранее землями. Благодаря успешным военным походам удалось вернуть в лоно державы Верховские удельные княжества. Вновь стали российскими города Мценск, Любутск, Серпеевск, Рогачев, Опаков со всеми селами и деревнями. На русскую службу перешли из Литвы и Польши достойные князья Воротынские, Одоевские, Трубецкие. Тому во многом способствовала смерть короля польского и великого князя литовского Казимира IV. Умирая, король и великий князь разделил свое объединенное государство между двумя старшими сыновьями. Первому, Яну Ольбрахту, он отдал трон в Польше, второму, Александру, – в Литве. Вскоре же между братьями пробежала черная кошка, и Ивану Васильевичу стало легче бороться с Александром за русские земли, которые занимали две трети государства Литовского. Но Ивану Васильевичу претила война, побоища, сечи. Он устал от походов, в которых за тридцать лет царствования провел ровно половину. Теперь он жаждал мира с Великим Литовским княжеством. Он надеялся поладить с великим князем Александром и полюбовно решить все споры, кои касались россиян, городов, земель, находящихся под властью Литвы. Как ему это удастся, Иван Васильевич представлял еще смутно, но подспудно он вынашивал мысль о том, что добрый мир между Русью и Литвой может родиться только благодаря брачному династическому союзу. В эти задумки уже вкрапывалось имя дочери, княжны Елены. Что греха таить, Елене давно пора было замуж. И она была бы выдана, да кое-что помешало.

⁷ Гридница – помещение при княжеском дворе для пребывания дружинников или для приема гостей.

Вспомнил Иван Васильевич наезды в Москву германского имперского рыцаря Николая Поппеля. Он дважды побывал в стольном граде. Первый раз, в 1486 году, явился как путешественный гость, ознакомиться с Русским государством. Тогда великий князь не оказал ему теплого приема. Да и княжне Елене было всего двенадцать лет. Какая уж там невеста для некоего маркграфа! Но спустя два года рыцарь Поппель приехал снова. Теперь он прибыл в Москву со свитой и представился как посол германского императора Фридриха III. Государь принял Николая Поппеля с почестями. И была беседа с глазу на глаз, лишь толмач стал свидетелем той беседы. Речь брачного посла лилась слаще меда.

– Мой господин, император Великой Германской империи желает дружбы с могущественным московским государем, – пел рыцарь Поппель, – потому жалует супругов для твоих старших дочерей – маркграфа Баденского и герцога Бургундского, владетелей многих земель.

Вроде бы и согрели душу Ивана Васильевича слова германского посла, но чего-то в его обещании не доставало. Да, маркграфы и герцоги сильные личности и власти у них больше, чем у иных королей, однако они не государи. И великий князь сказал послу:

– Мало мне таких зятьев, без корон они. Да и земли растерять могут, ежели мотовству подвержены. С чем останутся?

– О государь московский! – воскликнул Поппель. – Господом Богом императору дано право венчать коронами и жаловать в короли своих вельмож, одаривать их новыми землями.

– Призрачно сие, славный германский посол, – ответил великий князь. Иван Васильевич знал, что цена таким королям в Германской империи невелика. Он высказал свои думы об этом Поппелю, и сговор не состоялся.

Надежда на породнение с императорским домом Европы пришла к Ивану Васильевичу с появлением в Москве посла австрийского принца Максимилиана, графа Делатора, который приехал в стольный град летом 1490 года. Великий князь был более милостив к графу Делатору, чем к рыцарю Поппелю. Он дал согласие принять официальных сватов. На прощание одарил графа золотой цепью с православным крестом, горностаевой шубой и серебряными шпорами, словно пожаловал его в рыцари. В конце августа девяностого года проводил графа в Вену и отправил с ним своего посла Федора Курицына, дабы тот установил с Максимилианом время прибытия послов-сватов в Москву. Но еще до возвращения в стольный град Федора Курицына от него примчал к государю гонец с вестью о переменах в побуждениях принца. Пока Делатор гулял по Москве, он уже был помолвлен с британской принцессой.

Иван Васильевич очень посетовал на то, что его дочери Елене не суждено стать императрицей и ему не удалось породниться с императорским домом Австрии, да, вспомнив прошлые неудачные браки россиянок с сыновьями императоров Европы, утешился. Примером тому служила внучка Ярослава Мудрого Евпраксия, коя семнадцать лет провела в страданиях и в борьбе с императором Германии Генрихом IV, растленным и недостойным ее супругом, отлученным от церкви, свергнутым с престола и завершившим свою жизнь в заточении.

И вот спустя два года все тот же достохвальный посол Федор Курицын принес из Вильно весть о том, что великий князь литовский сильно желает завести разговор с великим князем московским о сватовстве к его старшей дочери. Тогда государь поблагодарил дьяка за хорошую весть:

– Спасибо, преданный мой человек, что одарил меня надеждой. Породнение с Литвой для всей Руси благо. Даст бог, полюбовно решим судьбу русских земель, что под пятой у Литвы.

– Истинно глаголешь, государь-батюшка, – ответил дьяк Федор.

Исчезновение Елены рушило и эту надежду. Но не только от этих дум душа великого князя источалась болью, а сердце разрывалось на части. Он в большей степени страдал от потери дочери из-за отцовской любви к ней. В его воспаленной голове бродили самые ужасные мысли. Он был убежден, что ее похитили сыновья хана Ахмата, смертно битого на полях брани, как твердо был уверен в том, что злочинцы сыновей хана Ахмата подожгли стольный град.

Глава третья

Похищение

Княжна Елена почувствовала страх и тревогу в сердце еще на спуске к Москве-реке, когда возки, сопровождавшие тапкану матери, оказались в самой гуще охваченной паникой толпы москвитян. Выглянув из тапканы, она увидела, как мечущаяся от ужаса орава пробивалась на мост, как бились в оглоблях и постромках кони, а возницы кричали и кнутах били по спинам, по головам всех, кто оказывался вблизи, и как с моста падали в реку люди, взывая о спасении. Когда до моста оставалось сажень двадцать, к Елене подъехал на коне князь Илья Ромодановский и попросил:

– Матушка-княжна Елена, закройся в карете, а мы сейчас пробьем толпу и будем на том берегу.

С тем князь и ринулся вперед. Княжна хотела было остановить его, дабы не покидал ее, но чем-то была смущена и спряталась в тапкане, прижавшись плечом к сидящей рядом боярыне Анне Свибловой, которая служила у нее в мамках.

– Господи, какие страсти бушуют на мосту! Я вся дрожу, – призналась Елена. – Уж скорей бы одолеть реку.

– Да полно, матушка-княжна, умали свой страх. Князь Илья пробьет нам путь, скоро мы будем с Божьей помощью за рекой, и огнище нам не помеха, – успокаивала Анна Елену. Тридцатилетняя боярыня была крепка, подвижна и бесстрашна, голос у нее был под стать мужскому. – Вот я сей миг помогу вознице Афанасию управиться с дорогой, и все славно будет. Там, поди, матушка уже тебя ждет...

– Нет-нет, голубушка, как же я без тебя! – попыталась остановить Елена Анну.

Но та уже метнулась к дверце, сказав:

– Ты, княжна, не одна, ты за Палашей как за каменной стеной. – Тут же крикнула сенной девице: – Палашка, шкуру с нас снимут, ежели беда с великой княжной случится!

Покинув тапкану, Анна перебралась к Афанасию на козлы.

Елена взяла за руку сенную девицу Палашу, посадила рядом и, обняв ее за плечи, замерла. Вроде бы успокоившись, сказала:

– И впрямь, что это меня лихоманка бьет? Вот мы уже на мосту. А там, за рекой, простор, там Воробьево, Божья благодать.

– Забудь о лихоманке, Еленушка. Ты всегда была отважной. И ныне соберись с духом. Помнишь, как мы с тобой по лесам да следам на колокольню лазили? То-то дух захватывало...

Дочь боярина и боярыни Свибловых Палаша, тоже крепкая, под стать матери, хотя только что вышла из отроковиц и была моложе княжны Елены на два года, не раз поражала ее силой и отвагой. Три года она уже отслужила княжне, и порою казалось, что Палаша для Елены словно родная сестра. Она была красива, умна и рукодельна.

В это время за стенами тапканы что-то случилось, послышались яростные крики Анны и Афанасия: «Эй, расступись!», «Прочь с дороги, тати шальные, прочь!». Вокруг тапканы захлопала, взбаламутилась вода, поднялся людской гвалт, началась какая-то борьба, прорвался вопль Анны: «Да я тебя, зимогора!» Потом прозвучал крик о помощи: «Ратуйте! Ратуйте!» Донесся сильный всплеск воды, за ним другой. Тапкана рванулась вперед, мост остался позади, кони вынесли повозку на крутой берег.

– Мы спасены, мы уже на тверди! – воскликнула Елена.

Но в этот миг тапкана остановилась и в нее влетели два человека в черных монашеских мантиях. Их лица были укрыты капюшонами. Один из них ровным и мягким голосом сказал:

– Красны девицы, не пугайтесь нас, мы Божьи люди и вас в обиду не дадим даже ордынцам. Они же вас ищут.

– Но где моя мамка, боярыня Анна? – спросила Елена.

– Не страшитесь за нее, она на своем месте, – ответил все тот же монах и сел рядом с Еленой.

Тут кони понесли, тапкану качало так, что казалось, вот-вот опрокинется. Страх вновь обуял княжну, и она в другой раз крикнула:

– Где мамка Анна?

– Да что же ты молчишь, тать? Где наша матушка? – крикнула и Палаша и схватила монаха за мантию. Монах погладил Палашу по руке и все тем же мягким голосом пропел:

– Много злых людей на свете, они и столкнули твою матушку с моста. Да ты не горюй, не горюй, молодочка. Возница ее и спасет. Он следом в реку прыгнул. Спасет, спасет, молодочка. – И монах отвел от себя руку Палаша.

А кони мчались, тапкану подбрасывало, швыряло в стороны, грозовые раскаты и ливень обрушились на нее. Началось небесное столпотворение. Княжна Елена поняла, что их захватили тати, что ей и Палаше грозит опасность, что злочинцы так просто их не отпустят. То-то ее томило предчувствие перед спуском к реке! Однако на сей раз, вместо того чтобы поддаться паническому страху, Елена вошла во гнев, схватила монаха-паука за мантию и, с силой потянув, властно приказала:

– Останови тапкану и сам вываливайся вон со своим поганцем!

Она толкнула «монаха» к дверце.

– Голубушка, сие не в моей власти. Я только смиренный раб и слуга Божий, – ответил Певун и сел опять рядом с Еленой.

– Нет, ты остановишь колесницу, поганец! Остановишь!

И Елена еще сильнее толкнула Певуна.

Тут дала себя знать Палаша. Бог не обидел ее силой и ловкостью. Таких уж подбирали в услужение к своим детям Иван Васильевич.

– И-и, матушка, сей миг они остановятся! – крикнула Палаша, кошкой метнулась в передок тапканы, просунула руку в оконце и, схватив возницу за шиворот, потянула его к оконцу, пытаясь другой рукой вырвать у него вожжи. – Остановись, заморыш!

Кони начали сдерживать бег.

Но на этом сопротивление Елены и Палаша закончилось. Второй «монах», что сидел напротив Елены, длинной рукой схватил Палашу за плечо и, словно пушинку, бросил рядом с собой на сиденье. Он вмиг накинул на руку Палаша петлю из сыромятного ремня, ухватил другую руку и стянул их узлом, так же быстро связал ей ноги и пнул, что-то промышав. Певун же сказал Елене:

– И ты, государыня, смири гордыню. Худа тебе никто не желает, и сама не ищи. Мы же спасаем тебя от великой беды.

Он погладил руку Елены, все еще державшей его за мантию, и она под давлением неведомой ей силы отпустила одежду.

Тапкана продолжала стремительно катиться, дождь хлестал, молнии сверкали, раскаты грома заполнили всю небесную твердь. Елена склонилась к Палаше и принялась развязывать ей руки и ноги. Но Елене это не удалось, и она попросила Певуна:

– Освободи ее от пут.

– А ты, государыня, скажи ей, чтобы не буянила, а то ненароком и рот замкнем на замок, – пообещал Певун.

– Не будет буянить, – ответила Елена. Она уже поняла, что их сопротивление напрасно и ни к чему хорошему не приведет. Оставалось лишь уповать на счастливый случай и на Бога. – Снимай же путы.

Певун развязал Палаше руки, ноги и предупредил:

– Сиди смирно, раба Божья. Тебе же во благо.

За тапкану начали цепляться ветки деревьев, колеса бились о корни. Едена догадалась, что они въехали в лес. Кони прекратили скачку, но шли резво. Тьма в тапкане стала непроницаемой. Тати спрятали лица под капюшонами, и Елене показалось, что она и Палаша в тапкане одни. Долгое время они сидели молча, прижавшись друг к другу. Но вот Палаша нарушила молчание, тихо спросила:

– Матушка-княжна, кто эти люди, куда они нас везут?

– Если бы я знала! – ответила Елена.

Но ей и самой хотелось найти ответы на эти вопросы. Отличаясь незаурядным умом и будучи хорошо образованной, Елена попыталась дойти до причины ее похищения. Она, по мнению княжны, крылась где-то близко. Стоило ей догадаться, кто устроил поджоги в Москве, как стало бы ясно, что за нею охотились тати из той же ватаги. Елена помнила прежних два пожара на Москве. А из разговоров о них она узнала, что взрослые в обоих случаях обвиняли в поджогах ордынцев и в каждом случае говорили, что татары Большой Орды мстили за поражения в сечах. Рассказывала боярыня-мамка Анна, что в восьмидесятом году, как только Москва сгорела, так хан Ахмат и двинул на Русь свою стотысячную орду.

– Думал, окаянный, что русичи стольный град из пепла поднимают и воевать некому, – говорила Аннушка по-сказочному. – Ан нет, пришло от Всевышнего видение государю Ивану Васильевичу о нашествии татар. И собрался царь-батюшка скоренько да повел за собой рать несметную. В пути прилетели к нему богатыри Аника-воин да Михаил Архангел, архистратиг. И сказали они: «Иди смело на врага поганого и не оглядывайся, а мы тебе поможем». Так и было. На реке Оке, на реке Угре встретил царь Иван Васильевич басурман и погнал их вспять. А было у Ивана Васильевича ратников в два раза меньше, чем у хана Ахмата.

Вспомнив мамку, Елена зашлась болью: «И она, поди, басурманской рукой сброшена в воду». Но тут же у нее отлегло от сердца. Знала Елена, что Анна умеет плавать, тому и ее учила.

Думы привели ее к неутешительному выводу: пленили ее ордынцы. Их в последнее время в Москве – тайных и явных – тьма. Смущало княжну лишь то, что один из «монахов», коего она прозвала Певуном, уж так славно русской речью шеголял. И не верилось, что такой добрый человек из россиян мог служить ордынским ханам. «Ой, темная головушка, тут что-то не так, – упрекнула себя Елена. – Вон сидит в углу, молитву воркует, как голубок. Да чей же он тогда, сей Певун? – с досадой спросила себя Елена. – Стародубским, черниговским князьям служит? Или в Польше и Литве его господа? Может, на заход солнца и катим? – терзала себя вопросами Елена и молила: – Боже, покажи хоть одну звездочку на небе, укажи путь!»

А дождь все лил и лил. И молнии сверкали, и гром гремел-перекатывался над лесом. «Поди, и пожар в Москве сник, силой Ильи-пророка подавленный. И чего это матушку угораздило податься в бега? Никак батюшка ее не образумит. Отсиделись бы в Кремле, и не было бы порухи», – размышляла княжна.

Той порой серые в яблоках кони вынесли тапкану на луговой простор и вновь полетели, как птицы. Любила Орлика и Сокола Елена, знала их силу. Куда-то теперь уносят они свою добрую хозяйку, которая без ломтя хлеба к ним не приходила! Как выехали из леса на луга, княжна увидела, что наступил рассвет. Но небо было еще в низких тучах, и грозовой дождь сменился на обложной. Елене стало досадно, что она и по солнцу не узнает, в какую сторону от Москвы ее везут.

«Монахи» по-прежнему сидели со спрятанными лицами. Казалось, что они спят. Да так, пожалуй, и было, потому как один из них сопел. Он был рослый, широкоплечий, под черной мантией угадывалась его богатырская стать. Он вытянул ноги до ног Палаша и словно стерег их. Певун дышал ровно, может, и не спал, затаился. И Елена тронула его за плечо, спросила:

– Эй, Певун, ты бы поведал, куда нас везете? Да знаешь ли, ордынский тать, кого ты умыкнул?

«Монах» пошевелился, на миг откинул капюшон, глянул на Елену голубыми глазами и вновь спрятался.

– Ведомо мне, голубушка, кто ты, – ответил он. – А куда везем, сама скоро узнаешь. Потому успокойся, молитву сотвори во спасение от напастей – на душе посветлеет.

– Нет, тебе неведомо, кто я, – упорствовала Елена.

– Так скажи. Тебе же во благо. Мы люди милосердные, боль ближнего понимаем, ежели о ком-то страдает, – пропел Певун.

– Вот как повернешь коней вспять да прикатишь на подворье близ Параскевы Пятницы, так и награду получишь. Мой батюшка богатый торговый человек и не пожалеет на выкуп ни серебра, ни золота, ни мехов ценных.

Певун оказался откровенным:

– Не морочь мне голову, государыня. О тебе я ведаю больше, чем ты сама знаешь. Ты дочь государя всея Руси Ивана Васильевича, и ежели хочешь знать больше, то знай: тебя прочат замуж за князя литовского Александра. А ты другому полюбила. Вот и смекай.

Сказано это было спокойно, ровно, без страха в певучем голосе, без лестных отзвуков.

И тут княжна доподлинно поняла, что она чья-то полонянка, и ледяной страх снова сковал ее сердце. «Нет, не обманывает. Прослышал кто-то, что сватается ко мне князь литовский, вот и задумал опередить. Да кому и опередить дано, ежели не людям ханской Орды! Они, тати, и Москву подожгли, дабы выкрасть меня. Ах, матушка, как ты опростоволосилась!» – горевала Елена. Отчаяние придало ей сил и мужества, она бросилась на Певуна и стащила с него капюшон. Тут же Палаша помогла ей, схватила татя за волосы, с силой дернула голову и стукнула голову о колено. Певун и рук не успел освободить из-под мантии, как Палаша еще раз, крепче прежнего, ударила его о колено, раскровенила лицо, быстро распахнула дверцу тапканы и попыталась вытолкнуть «монаха» прочь.

– Чтoб и духу твоего не было здесь! – крикнула она.

Елена помогала ей. Но Певун успел ухватиться за Молчуна и разбудил его. На том попытка княжны и сенной девицы добыть волю и завершилась. Молчун заревел, будто зверь, сгреб Палашу и сжал ее, словно железным обручем. Глянув на его лицо, Елена обмерла: у заросшего дикой бородой детины не было языка, а оранжевые глаза излучали волчий блеск. Да она только и видела его. Певун пришел в себя, достал из кафтана под мантией плоскую глиняную махотку, потом льняную тряпицу, смочил ее в зелье сон-травы и, ловко повернувшись к Елене, схватил ее за шею, сильно сжал и приложил тряпицу к лицу. Она пыталась вырваться, но Певуну помог Молчун: он вцепился второй рукой в ее волосы, и через мгновение Елена сникла. Тут же Певун приложил зелье к лицу Палаша, и она впала в беспамятство. Все это случилось в несколько мгновений. В тапкане стало тихо. Певун пытался унять кровь, текущую из носа, вытирал подолом мантии лицо.

– Спасибо, Онисим. Ишь как раскровенила лик молодая ведьма. – Он злобно крикнул: – Порешить ее, что ли? И препоны чинить не будет. – Чуть успокоившись, добавил: – Ничего, я еще над тобой, ведьма, потешусь. Да и Онисима позову.

Спустя немного времени, когда Елена и Палаша еще не очнулись, кони вновь домчали до леса и версты через две остановились перед воротами из дубового остроколья. Возница, укрытый дерюжкой от дождя, остался сидеть на передке тапканы, а Певун выбрался из нее, поспешил к воротам и подергал у калитки за веревку. Там, за воротами, прозвенел колоколец. В оконце появилось лицо молодого служки Ипатия. В руках он держал бердыш.

– С нами крестная сила! Кого Бог принес? – спросил он и выставил острие бердыша в оконце.

– Аль Дмитрия не признал? Отворяй не мешкая. Сухой нитки нет от ливня. Эвон, стеной льет.

Ипатий исполнил волю Дмитрия быстро.

– Милости просим, господин ласковый, – распахнув ворота, сказал он.

Простодушный и здоровый, как бык, Ипатий давно попал в зависимость к Певуну. Еще года два назад приласкал он богатыря, заручился его дружбой. Тогда он говорил службе:

– Ты, Ипатушка, полюбился мне. Душу за тебя отдам, ежели что. И вот тебе подарок от меня – кisa, полная серебра. А дарю с корыстью, чтобы и ты полюбил меня.

– В долгу не останусь, благодетель, – польстил в тот далекий вечер Ипатий щедрому «ловцу».

– И правильно говоришь. Да служба мне никогда не будет тебе в тягость.

Ипатий согласился «служить» и крест поцеловал. Да все потому, что тяготился монастырским житьем близ суровых новгородцев. Не раз мыслил сбежать из обители, да некуда было. Звали гулящие люди на разбой по дорогам, но устоял от соблазна. Дар Дмитрия перевернул его душу. Подумал он тогда, что как исполнит благодетелю службу, так и покинет обитель, избой и землицей обзаведется, лебедушку себе найдет. Однако, будучи неглупым, задумывался порой, гадал, какой службы потребует от него добродей, и потому денег не тратил, хранил их в тайнике.

Вскоре тапкана скрылась за монастырской стеной, ворота захлопнулись. Кони миновали двор и втянули повозку в открытые ворота конюшни. Спустя немного времени из нее появился Молчун. Был он укрыт плащом, в руках держал метлу. Выйдя из ворот монастыря, он старательно принялся замечать следы от конских копыт и колес. Делал это не спеша, но споро, шел спиной, дабы и свои следы замести. Дождь помогал ему, сглаживал отметины от метлы. Похоже, от работы Молчун испытывал утеху, на его безобразном лице с оранжевыми глазами светилось некое подобие улыбки. Он что-то мычал, словно напевал песню, и когда открывал рот, то виднелся провал между крепкими белыми зубами. Весь он был тайной, и лишь Певун мог поведать про Молчуна нечто такое, отчего бы и у храброго человека побежали по спине мурашки. На жизненном пути у этого соловья-разбойника в туманной дымке просвечивался батюшка Великий Новгород. А в нем случилось то, что заставило новгородца из именитого рода посадников потерять дар речи. В 1480 году великий князь Иван Васильевич вел расправу над мятежным Новгородом. Три месяца длился грозный государев розыск, и он не пощадил заговорщиков. Больше сотни главных противников великого князя – все именитые новгородцы – были преданы смертной казни. А малому «змеенышу», который вкупе с другими, подобными себе, охотился на сторонников великого князя, было определено всю оставшуюся жизнь молчать и молиться Господу Богу за то, что государь не лишил его головы, а только вырвал язык. В те годы Молчун ударился из Новгорода в бега и однажды случайно встретился с Певуном. Тот пригрел его, и Молчун все годы служил ему верой и правдой. Теперь они оба исполняли самое важное свое дело, которое открывало им путь к Большой Орде, к свободной и безбедной жизни.

Спрятав свой «товар» в глухой рубленой каморе, Певун думал о том, как поступить дальше, чтобы княжна попала в руки наследника хана Ахмата, который несколько лет назад повелел ему похитить дочь государя российского. Певуну было около сорока лет. Родился он в Астрахани, был третьим ребенком в семье татарского мурзы от одной из жен, русской полонянки из Козельска. Две девочки Евдокии были похожи на отца: черные волосы, черные глаза, личики скуластые. А сын родился весь в матушку: волосы цвета спелой пшеницы, глаза – синие васильки, нос прямой, чуть вздернутый, губы полные, и ямочки на щеках появлялись, когда улыбался. И был он такой же певун, как и матушка, которая и выжила-то в неволе благодаря чудному голосу и умению петь былинные песни. Назвала Евдокия своего сына Митяшей, да это было тайное имя, а мать лишь нашептывала его сынку. Повелением отца-мурзы он был

наименован Асаном. Слух о голубоглазом сыне мурзы Давиняра дошел до хана Ахмата. Тот приказал принести полугодовалого малыша во дворец, а как увидел его, так и воспылал жаждой оставить мальчика при себе. Ни Давиняр, ни Евдокия не могли воспротивиться хану. Асану нашли кормилицу-татарку, а когда подрос, к нему приставили учителей, и они воспитывали Асана для будущего исполнения тайных замыслов Ахмата. В двадцать лет Асан овладел всеми хитростями тайной дипломатии и многими видами оружия, воинского мастерства. Он изъяснялся по-русски так чисто, как если бы воспитывался в русской семье, знал немного латынь и хорошо говорил по-татарски. Еще он знал много русских молитв и псалмов, читал церковные книги.

Хан Ахмат той порой ждал своего часа, чтобы пустить «тайное оружие» мести в дело. Такой час настал, когда Асану исполнилось двадцать три года. Шел 1476 год. У хана Ахмата было в эту пору сильное, почти стотысячное войско. Он изгнал из Бахчисарая хана Менгли-Гирея, с которым у Ивана III был договор о мире, дружбе и взаимной помощи. Из Бахчисарая же в начале июля Ахмат отправил в Москву большое посольство. Везли послы государю Ивану III грозную грамоту, в которой хан требовал уплатить дань за многие «прошлые лета». С этим же посольством ушел в Москву и Асан-Дмитрий. Так начиналось задуманное ханом Ахматом мщение «улуснику Ивану» за непокорство, и связано оно было, как потом поймут многие, с рождением у Ивана Васильевича весной 1474 года дочери – княжны Елены. Замыслов хана Ахмата бывший «улусник», великий князь всея Руси, не знал. Да если бы и знал, все равно ответил бы так, как решил. Казанский летописец той поры свидетельствовал: «Великий же князь приим басму⁸ его и плевав на ню, излома ее, и на землю поверне, и потопта ногама своима, и гордых послов всех изымати повеле, а одного отпусти живе». Тем оставшимся в живых посланником и был Асан-Дмитрий. Приглянулся великому князю его голубоглазый, русский лик, и он сказал митрополиту Геронтию добрые слова:

– Возьми-ка его, владыка Геронтий, в Чудов монастырь, сделай из него инока. Доложили мне, что он по-русски лепо бает и голос у него певуч. Авось на хорах встанет, певун...

И прошло семнадцать лет неусыпного бдения за Певуном. За эти годы Асан-Дмитрий был крещен в православие и после этого вольно ходил по Кремлю, по Москве. Однако все эти годы он ни на один день не забывал, кто он есть истинный, не забывал наказа хана Ахмата, ждал своего часа, чтобы выполнить его волю. Он знал, что хан Ахмат уже умер, что на троне его старший сын, но клятва, данная Ахмату семнадцать лет назад, довлела над ним, словно рок. И он считал, что должен исполнить все, что повелел хан. Среди гуляющих людей Асан нашел себе верных друзей, и одним из самых преданных ему стал безъязыкий богатырь Молчун. Певун не был причастен к пожару в Москве, но знал, что город обречен и кто исполнит волю Большой Орды. Он даже знал день, вернее, ночь и час, в который Москва вспыхнет во многих местах, будто стога сена. И когда наступил дикий разгул огня, когда город охватила паника и началось бегство великой княгини с чадами и домочадцами, Певун воспользовался этим и похитил великую княжну. И вот она в его руках, и он думал, искал пути, какими мог бы без потери живота своего переправить ее в Астрахань.

Той порой Елена и Палаша пришли в себя. Маленькое оконце с железными прутьями пропускало из-под самого потолка дневной солнечный свет. Они осмотрелись и увидели, что лежат в каморе из толстых бревен, в которой были только охапка соломы да голые стены.

– Где мы? – спросила Елена.

Палаша поднялась с соломы, подошла к двери, толкнула ее, подергала, ударила плечом. Дверь не поддавалась.

– Ой, матушка-княжна, в заточении мы, – отозвалась Палаша.

⁸ Басма – тонкая металлическая пластинка с изображением хана, выдававшаяся монголо-татарскими ханами в XIII–XV вв. как верительная грамота.

– Выходит, мы еще на родной земле, – заметила Елена.

– Поди, не успели отвезти нас за рубеж державы.

– Ты права. Времени у татей не хватило ночного. Господи, помоги нам вырваться на волюшку! – вставая, произнесла Елена.

Она стряхнула с одежды золотистые остья соломы, приподнялась на цыпочки, попыталась посмотреть в оконце. Потолок в каморе был низкий, оконце находилось на уровне головы, и Елене удалось заглянуть в него. Она увидела за ним заросли бузины и лишь маленький кусочек голубого безоблачного неба. По разумению Елены, солнце поднялось еще невысоко и они в беспамятстве пробыли недолго. Она попробовала хотя бы приблизительно подсчитать, далеко ли увезли их от Москвы. Выходило, что в любом случае с полуночи и до восхода солнца кони могли промчать не более тридцати верст. Елена долго гадала, в какую сторону тати гнали коней, и остановилась на предположении, что все-таки везли их на полдень, хотя татям дорога была не закрыта и на заход солнца. Княжна немного воспрянула духом. Она верила, что отец не оставит ее в беде, и потому не потеряла надежды на скорое освобождение.

Глава четвертая

Поиски

Иван Васильевич и сам был готов отправиться на спасение дочери, но, помня о том, что ему важнее быть в стольном граде и поднять на ноги, послать на поиски тысячи людей во все стороны державы, он оставался в Кремле. Великий князь покинул опочивальню, в которой провел всего лишь час в полудреме и размышлениях, и отправился в тронную залу, откуда, как он считал, было сподручнее управлять поиском. Он знал, что воеводы, посланные им на южные и западные рубежи державы, перекроют пути-дороги в Орду и к Литве. Но похитители могли оказаться хитрее, прозорливее, чем предполагал государь в первый час. Они сочтут за лучшее затаиться где-либо, ибо догадуются, что на рубежах державы их перехватят. Что ж, им есть где укрыться летней порой. В нехоженных лесных дебрях много потаенных мест, где можно спрятаться, отсидеться до нужной поры и не быть найденными. По южным рубежам в лесах и по оврагам много захоронов, где в дни набегов ордынцев россияне прячутся целыми деревнями. Теперь, когда уже третий год ордынцы не делают набегов на Русь, в тех захоронах могут свиться осинные гнезда, и потому надо было думать, где отыскать те осинные гнезда. Однако их может быть тысячи, и тут оставалось одно средство: поднять на ноги всех подданных державы в южных и западных землях. А для этого нужно немедленно послать по всем большим и малым городам, по селениям гонцов с повелением наместникам и старостам делать облавы и ловить по чашобам татей.

В тронной зале государь увидел многих служилых людей, вернувшихся с пожара. Они уже знали об исчезновении княжны Елены и ждали призыва государя к действию. Иван Васильевич не заставил их долго томиться:

– Верные люди, вы уже слышали, что ночью на переправе исчезла тапкана княжны Елены, потому говорю: послужите государю и державе, не щадя сил. Наказ один: шлите на полдень и на заход во все города гонцов с повелением поднять на поиски Елены всех моих подданных. Сами с дворней отправляйтесь искать ее по волчьим логовам и в иных глухих местах.

Служилые люди прогудели в ответ согласие и не мешкая покинули тронную залу. Лишь князь Семен Ряполовский да неизменный его спутник боярский сын Владимир Гусев приблизились к Ивану Васильевичу.

– Говори, как мыслишь, – побудил Ряполовский Гусева.

Владимир без робости шагнул к великому князю.

– Государь-батюшка, дай мне волю с холопами князя Семена досмотр произвести по всем монастырям, что близ Москвы-реки стоят ниже стольного града, – сказал он.

Выше среднего роста, статный, с молодой русой бородкой, он смотрел на Ивана Васильевича любящими глазами. Государь ценил этого умного и преданного человека, знал, что сказанное им не напраслина, однако строго спросил:

– Почему думаешь, что монастыри укроют татей? Какой им резон лезть на рожон?

– Нам, государь-батюшка, неведомо, кто похитил княжну. Но всем известно, что монастыри всегда дают приют путникам. А путники бывают разные. И тати могут в святых овечек обернуться. Вот нам и резон.

– Разумно мыслишь, и я даю тебе свою волю. Князь Семен, отправь с ним сколько нужно ратников, и с богом в путь. А вернешься с Еленой, быть тебе окольничим⁹. И вотчину получишь. Да поспедай: каждый час дорог.

⁹ *Окольничий* – один из придворных чинов в Русском государстве XIII–XV вв. (следил за исправностью дорог во время поездки князя и выполнял ряд других функций); с конца XV до начала XVIII в. второй после боярина думный чин.

– Все разумею, государь-батюшка. Спасибо.

Гусев поклонился и покинул палату.

Владимир Гусев, сын бедных родителей, находился в чести у двора потому, что был близок к княжескому роду Рязполовских, самых верных вельмож великого князя. Когда наконец князю Елену засватал государь литовский Александр, Владимир Гусев вместе с братом Семена Рязполовского князем Василием по воле государя сопровождал Елену в Литву и там стал свидетелем при бракосочетании Елены и Александра, блюл при этом уставы греческого закона. Вернувшись из Литвы, Гусев получил от великого князя еще одно важное поручение.

– Умом тебя Господь наградил сверх меры, – сказал ему в тот час государь, – ведомы тебе греческие письмены, уставы великой Ольги, Русская Правда Ярослава Мудрого. Потому велю тебе в угоду Руси и великому князю написать свод русских законов моей поры.

– В меру своих сил, государь-батюшка, исполню твою волю, – ответил без сомнения Гусев. – Токмо дело это не одного дня и месяца. И без писцов не обойдусь.

– Все тебе будет моею волей, – твердо произнес Иван Васильевич.

Спустя три года окольный Владимир Гусев положил на стол перед государем Судебник. В летописях его называют Судебник Володимира Г. В том же 1497 году волей великого князя этот сорокалетний россиянин недюжинного ума нашел смерть на плахе от рук палача. Его казнили за участие в заговоре против Ивана Васильевича, в который, как было сказано на допросе, вовлекла Гусева великая княгиня Софья Фоминишна. Он же не был участником заговора, а лишь часто общался с Софьей Фоминишной, которая помогала ему писать Судебник.

Все это для Владимира было пока за пеленой времени. А теперь он с большим рвением взялся за выполнение воли великого князя.

Гусев почему-то был уверен, что исчезновение княжны Елены всего лишь игра случая. В многолюдном паническом бегстве горожан из Москвы мог произойти самый неожиданный казус. Однако Владимир допускал и чью-то чужую и злую волю, потому и намеревался взять у князя Рязполовского вооруженных ратников. Получив на подворье князя Семена десять воинов, он повел их левым берегом Москвы-реки на Крутицы. Но в этом селении он не остановился, а поспешил к Николо-Перервинскому монастырю. Ворота обители были распахнуты, и на дворе оказалось полным-полно московских погорельцев. Гусев немедленно разослал воинов опрашивать горожан, не видел ли кто князю Елену или ее тапкану, запряженную парой серых в яблоках коней. Сам он отправился на поиски настоятеля монастыря. Игумен Филимон ничем не порадовал Гусева.

– Нет, сын мой, с утра мои иноки блюли ворота обители. Не было среди страждущих княжны Елены Ивановны.

– Смотри, святой отец, не бери грех на душу, – на всякий случай предупредил Владимир.

– Чист я перед государем, как перед Господом Богом. И на том целую крест, – строго ответил игумен.

Спустя какой-то час Гусев привел свой отряд к Николо-Угрешскому монастырю, но и тут его ждала неудача. Здесь не было ни погорельцев, ни каких-либо беглецов, ни приезжих. И ворота за минувшее с начала пожара время никому не открывались. Однако привратник сказал Гусеву то, что его озадачило:

– Ноне на рассвете примчал к вратам всадник и тоже спрашивал о дочери Иоанновой.

– Кто он? Ты знаешь его?

– Да не, боярин, мы обитель не покидаем, и к нам мало кто наведывается, кроме богомольцев. Уж не взыщи.

– Как он выглядел?

– О боже! Как и ты, как все, кто на пожаре побывал: растерян, грязен. А так пригож и статен, телесами силен. Черняв и усы с бородкой молодые, – ответил привратник.

Владимир знал, что при княжне стоял князь Илья Ромодановский. «Черняв и усы с бородкой молодые. Да он же, он!» – обрадовался Гусев и торопливо спросил:

– Куда сей муж умчал?

– Поди, на Остров или на Арининское. – И привратник пояснил: – Там есть где укрыться княжне. Да, еще о броне спрашивал чернявый.

– А брод-то где?

– В полверсте, под сосновым бором.

Брод Владимир и воины не нашли. Однако у Гусева поднялось настроение. Знал он, что ежели догонит молодого князя, то вместе они наверняка найдут княжну, потому как, показалось боярскому сыну, князь «взял след». И Гусев погнал коня в реку да вплавь пошел.

Илья отправился на поиски один и сначала растерялся, не зная, куда ехать за Москвой-рекой: то ли на запад, то ли на юг. Но сразу же за мостом он заметил близ берега толпу горожан. Он прищпорил коня и вмиг очутился рядом. С криком «поберегись!» Илья подскочил к самой воде и увидел лежащую на земле женщину. Он соскочил с коня, растолкал баб и мужиков, пробился к ней, склонился. Узнал мгновенно. Да и как было не узнать мамку княжны, боярыню Анну Свиблову! Она лежала с закрытыми глазами, но была жива. Илья тронул ее за плечо, похлопал по щеке, и Анна открыла глаза. Вначале она смотрела на Илью отрешенно, потом узнала и взъерилась:

– Погибель нас ждет, окаянный, погибель! – Анна поднялась, нашла в себе силы оттолкнуть Илью и побежала к воде. – Смертушка, возьми меня! – крикнула она отчаянно.

Ромодановский успел удержать ее у самой кромки воды, притянул к себе, яростно сказал:

– Успеешь живота себя лишить! Говори, неразумная, что случилось на мосту? Куда княжна делась?

Бледная, с горящими, как у безумной, глазами, она закричала:

– Тебя спросить надо, тать смердящий! Тебе должно стеречь княжну! А ты бросил ее волкам на съедение!

– Ведомо мне, и к ответу готов! Да мы найдем ее, найдем! Говори же, что было на переправе?

– О Господи, помоги оклематься, – уже спокойнее ответила Анна. – Дух переведу и все расскажу.

И Анна холодно и четко поведала обо всем, что случилось на мосту. Илья выслушал ее внимательно, но не отпустил. Он позвал двух москвитян и повелел им:

– Слушайте, горожане! Именем великого князя отведите ее в Кремль к князю Семену Рязполовскому. Помните, с государевым делом идете! И по дороге упустить не смейте!

Горожане выслушали князя молча и, крепко взяв Анну под руки, повели ее на мост, где уже не было суматошной толкотни. Провожая их взглядом, Илья подумал о возничем Афаназии, но как-то мельком. Взяв коня под уздцы, он повел его по косогору вверх. Ливень продолжал хлестать Илью и коня, но это было неважно для князя. Важным стало то, что он услышал от Анны: по ее разумению, Елена попала в руки ордынцев, потому как с передка ее сбросили двое в монашеских одеждах, но один из них был татарин. Выбравшись с косогора, Илья какое-то время шел впереди коня и размышлял, куда вернее всего отправились похитители. Он поставил себя на их место. Вот он захватил добычу, вырвался с моста на простор, но, зная, что княжну скоро будут искать, что далеко с нею не умчишь, надо думать о ближнем и надежном убежище. Конечно же удобнее всего скрыться в лесу. Но надежно ли там? Нет. Егери с собаками ухватят след, в лесу быстро, как волков, обложат. Тогда – в деревню. Но там сотни зорких глаз. Княжна не иголка: в стоге сена не спрячешь. Что же делать, что? Пробиравшись лесными тропами к рубежам державы? Так уже сегодня к вечеру государь перехватит все дороги, поставит дозоры и капканы на всех тропах, коими в прежние времена приходили на Русь и уходили всякие зарубежные лазутчики. Велика держава, а след запутать негде. Куда деться? И

пришло озарение. В годы частых набегов ордынских разбойников россияне умели прятаться в лесах так, что ни один тать, ни один пес не могли их найти. Те же арининские мужики и бабы с детишками, старухами и стариками пять лет назад два месяца отсиживались в лесу за Арининской обителью, и никто их духа не учуял. Но есть такие тайные убежища и близ Николо-Угрешского монастыря и под селением Остров. «Эх, спрятался бы я там с Аленушкой – ни один ловец бы нас не сыскал!» – воскликнул в душе Илья. И полегло в груди. Вскинулся в седло, ударил Казначея по крупу и помчал судьбу свою оборонять. Знал же ведь, коль не найдет свет Еленушку, не сносить ему буйной головы. И жалеть себя не придется – заслужил.

В пути Илья миновал заречное Коломенское, где в добрую пору отдыхала великокняжеская семья. И сам он бывал в нем не раз. Илья счел, что там ему нечего делать, и к Николо-Перервинскому монастырю, который стоял на холмах за Москвой-рекой, не ринулся вплавь. Туда тати не могли сунуться, то была чтимая государем обитель. В село Беседы Илья тоже не захотел заглянуть: богатое село, там ревниво хранят государевы законы и не пустят на постой каких-либо татей.

А вот Николо-Угрешский монастырь Илья не позволил себе миновать. То был монастырь-затворник. В нем находились многие новгородские опальники, постриженные в монахи, и они питали к государю если не ненависть, то уж горячую обиду. Илья не стал искать брод или мост, а ринулся с Казначеем в воду и переплыл реку. Вымахнул на взгорье, полем промчался к дороге – поискать следы от повозки, от копыт Орлика и Сокола. Однако, хотя и порезвился на дороге ливень, следов и в помине не было. К затворникам в Угрешу никто не приезжал, заключил Илья. Но он все-таки не миновал обитель, поскакал к воротам, поговорил с привратником. Его ответам внял и совет принял – побывать в скиту за селением Остров. Объехать его было грех.

Той порой тучи унесло на северо-восток, показалось горячее солнце. Одежда на Илье после многих купелей начала просыхать, и сил словно бы прибавилось. Но и голод стал донимать. Илья, однако, не дал ему воли и все погонял Казначея. Выносливый ногойский конь, казалось, не знал усталости и мчал крупной рысью. А вскоре судьба показала Илье свой добрый лик, и в скиту за Островом ему не пришлось побывать.

Сразу же за этим селом, когда Илья выехал на дорогу в Арининское, он увидел на склоне холма, укрытого густыми кронами сосен, следы от копыт и колес. Тянула экипаж пара кованых коней. «Да это же Орлик и Сокол! Как мне ваших подков не знать!» – прозвенело у Ильи в душе. Следы были свежими: кроны сосен спасли их от ливня. Сильно заекало от доброго предчувствия сердце. «Вышел-таки на след Еленушки Илюшка. Да теперь я тебя не потеряю!» – подумал с облегчением князь и помчался в сторону Арининского. Однако в версте за селом Илья потерял след на развилке дорог. Он вдруг оборвался в огромной луже и за нею не возник, словно кони и повозка улетели. Илья остановился, прыгнул с коня, в растерянности почесал затылок, перекрестился: «Свят-свят...» – не зная, что делать. Лесная дорога впереди лежала в первозданной чистоте. Ведя коня за уздечку, Илья прошел вдоль дороги двести – триста сажен и ничего не понял. Вот и поворот на лесную Арининскую обитель. Недоброй славой была отмечена эта обитель, да то уже быльем поросло. В ней престарелые новгородские заговорщики коротали свой век. На дороге к обители виднелась лишь давняя глубокая колея от крестьянских колымаг: возили крестьяне питание монахам, словно по оброку. Загадка? Да отгадай ее, как и то, куда мог пропасть след от Орлика, от Сокола и от тапканы. «Ой, неспроста все это, не должно так быть!» – счел Илья и подумал вначале, что нужно вернуться туда, где оборвался след, и там поискать разгадку.

Однако что-то подспудное влекло к обители, что-то прозвучало в душе, вещая удачу. И взор не отрывался от чащобы, где затерялась дикая обитель. «А, будь что будет, но логово не миную», – решил Илья, вновь вскинулся в седло и помчался по лесной дороге. В лицо бил терпкий смоляной дух, Илья глубоко вдыхал его, и это бодрило. Лес после мощной грозы ожи-

вал и тоже вливал в Илью силу. И он поверил, что день для него будет благодатным. Версты две лесного пути Илья промчал, казалось бы, в мгновение ока. Обитель возникла за соснами неожиданно. Илья даже осадил коня. Он еще в дороге подумал, что ломиться в логово опальников ему нельзя. Ничего он один не сумеет сделать наскоком. Нужно было все осторожно разведать, проникнуть за стены монастыря так, чтобы не спугнуть татей, ежели они там. А уж потом встретиться с ними лицом к лицу, и чья возьмет. Да Илья был уверен, что одолеет татей, даже если их четверо, как пояснила Анна. На поясе у него надежный меч, которым он владел отменно. Хорошую бойцовскую выучку получил он от отца и его могучего, ловкого гридня Афанасия. Тот учил Илью бою вместе со своим сыном Карпом, ровесником молодого князя.

Осадив коня, Илья свернул от ворот в лес и, прячась за кустами, пошел вдоль остроколья, осматривая стену. Надо было знать, нет ли еще ворот и калиток, тайных лазов или перелазов через остроколье. Он вел за собой коня, не рискуя оставить его без присмотра. Да и знал, что конь понадобится. Так и случилось. Почти обойдя обитель, Илья не нашел того, что искал, и отважился проникнуть во двор через остроколье. В задней части ограды, где, по догадкам Ильи, мог быть хозяйственный двор, он подогнал Казначея к самой стене, поставил его боком к ней, встал на седло и дотянулся до заостренных колов ограды. Еще миг, и вскинул себя наверх, там перевалился, ожегши остриями живот, и оказался на помосте, который тянулся вдоль стены. Илья посмотрел вниз на коня, прошептал: «Стой тут, Казначеюшка, жди меня» – и, замерев, осмотрел пустырь обители. Вокруг не было ни души. Илья спрыгнул на землю, в сорную траву и крапиву, пригнувшись, побежал к строению, которое, по его мнению, было конюшней. Там могли быть первые улики, может быть, кони и тапкана Елены. Он поверил, что все так и будет, надо только незаметно пробраться в конюшню. Но в это время из кельи, ряд которых тянулся по северной стороне обители, вышел монах. Илья упал в траву и замер. Инок был в черной мантии с капюшоном, скрывающим лицо, подпоясан белым поясом. Для Ильи это осталось загадкой: почему белым, а не черным? По походке Илья догадался, что идет не старец, а крепкий муж. Опять загадка. Среди иноков-новгородцев в обители были лишь старцы. Многажды Илья слышал, что Арининский монастырь вымирает. Идущий был высокого роста и косая сажень в плечах. «Ишь ты, силен Божий брат, – мелькнуло у Ильи, – а поговорить надо. Ой как надо! Да ты уж подожди меня, сейчас я возникну перед тобой».

Монах подошел к конюшне, приоткрыл один створ, боком пролез в щель и скрылся. Илья убежал в конюшню следом, остановился у дверей, пригляделся и крикнул:

– Эй, брат во Христе, ска... – и осекся на полуслове: в трех саженьях от него стояла тапкана княжны Елены, спутать ее с другой он не смог бы.

Монах уже был у тапканы. Он открыл дверцу и что-то доставал с сиденья. Окрик оказался для него неожиданным, и он повернулся к Илье, не прикрыв лицо. Князь увидел перед собой молодую разбойничью рожу. По-иному он не мог назвать лицо монаха. Тот зарычал и, сверкая оранжевыми глазами, двинулся на Илью, зыря по сторонам и чего-то высматривая.

– Стой! – крикнул Илья. – Стой, говорю! – Он схватился за меч, обнажил его. – Говори, где дочь великого князя, или быть тебе без головы!

Это был Молчун. Он зарычал еще сильнее и, схватив березовый кол близ стойла, ринулся на князя. Он держал острый кол, словно копье, и пронзил бы Илью, если бы тот не успел увернуться. Сам же попытался достать Молчуна мечом. Но Молчун оказался не менее ловким, чем Илья, и, легко избежав удара, вновь пустил в ход свое «оружие». Будь Илья менее проворен, разлетелась бы его голова на черепки, как глиняный горшок. И началась смертельная схватка. Илья понял, что тать хорошо знал, что пощады ему не будет, ежели он окажется в руках государевых людей. Его ждала жестокая и мучительная смерть, а тут можно было уповать на удачу, вырваться из лап смерти, стоило только размозжить голову дерзкому боярину. Рыча по-звериному, тать вновь взметнул кол, и князь на какое-то мгновение дрогнул от стремительного кружения кола, от длинных выпадов. Он отбежал к воротам.

– Именем государя остановись! – крикнул князь, выставив свой меч и увертываясь от мелькающего кола.

Но этот крик привел Молчуна в еще большую ярость, и, не переставая рычать, он вновь занес под кровлю кол и бросился на князя. Илье показалось, что это конец, что еще мгновение и тать завалит его, как теленка. Мелькнул образ княжны, за которую он готов был отдать жизнь. Но эта жертва была бы напрасной, и в Илье тоже вспыхнула ярость. Он влет упал под падающий на него кол, и тот хрястнул у него между ног. А Илья был уже возле татя и, перевернувшись на спину, молнией ударил Молчуна снизу в живот и с силой крутанул меч. Разбойник, издав последний рык, рухнул рядом с Ильей, и рука его упала князю на грудь. Отбросив ее, Илья поднялся. И вовремя: в распахнутых воротах стояли два молодца. По одежде Илья не мог определить, кто они. Оба были в коричневых домотканых рубашках, в сапогах, молодые: еще и бороды не отпустили. В руках у одного был меч, у другого – татарская сабля. Илья понял, что просто так его из конюшни не выпустят. Он крикнул:

– Бросьте оружие! Я государев человек, князь Ромодановский, а на подходе сотня воинов. Приведите сюда княжну, и вы будете помилованы. Даю слово чести!

Один из молодцов, что с мечом, был рыжий и оказался побойчее черноголового, по облику татарина, сказал жестко:

– Нет, князь, тому не бывать, чтобы мы сами положили головы на плаху: знаем государеву милость по Новгороду. А вот тебя мы не хотим убивать. Брось меч, подставь руки, свяжем опояской и отведем в погреб. Там посидишь день-другой, пока не уйдем. И воля к тебе придет. Наше слово крепче государева.

– Так положите и вы на землю саблю и меч, и я вам поверю! – крикнул в ответ князь. – Положите и уходите подальше!

Илье тоже не хотелось их убивать. Должен же он знать, кто стоит за их спиной, кому взбрело в голову похитить дочь великого князя. Но тати не вняли совету князя. Было похоже, что от схватки с ними ему не уйти. И он не стал ждать, когда разбойники нападут, двинулся на них, примераясь, с кем скрестить меч. Однако они тоже не дремали и налетели на него разом. Зазвенела сталь, и с первых же ударов Илья понял, что разбойники не очень искусны в рукопашном бою. Да и силенки у них маловато, сломить можно. Но было в них много ненависти и страха за свою жизнь, потому они ломились на Илью яростно, нанося быстрые удары, стремясь ошеломить наскоком и прикончить его, пока не выдохлись. Князь сдерживал их натиск, а когда черноголовый попытался в прыжке достать Илью, он сильным ударом вышиб из рук татарина саблю, но не успел нанести разящий удар, потому как пришел миг, чтобы уйти от меча рыжего. И тут же князь сам прыгнул и нанес рыжему татю колющий удар сверху в ямочку на горле. Знал Илья, что этот удар редко кому удавалось отразить. Но времени для радости не было. Татарин, потерявший саблю, уже склонился к ней, дабы поднять, но не успел: Илья наотмашь ударил его по правой руке и отсек ее по самое плечо. Татарин завопил, покатился по полу конюшни и застонал. Да теперь Илье не было дела до поверженных. Ему надо было найти еще одного врага. Но он прислонился к раме стойла, в котором увидел коней Елены, и, закрыв глаза, попытался мысленно увидеть княжну Аленушку. Ах, как она желанна и недоступна! Только в мечтах он мог побыть рядом с любимой, обнять ее, приласкать, поцеловать в нежные губы. А наяву он должен быть всегда сдержанным, засупоненным, словно строевой конь, даже глазам нет вольной волюшки: не приведи Господь, перехватят злые люди любящий взгляд, изведут и ее и его.

Но некогда было себя казнить-мытарить. Еще раз глянув на поверженных татей, на того, кто был еще жив и истекал кровью, и на отдавших дьяволу душу, прихватив с собой их оружие, Илья побежал на двор искать княжну Елену в кельях, в трапезной, в келарне, еще невесть в каких тайных убежищах, о которых знал, что они есть, но не ведал где. А вблизи не было ни

одной живой души, которая отозвалась бы на его боль, подтвердила бы, что княжна жива. «Да жива, жива! Это уж точно! – твердил Илья на бегу к кельям. – А иначе бы чего и биться татам!»

Глава пятая

Освобождение

Певун видел все, что случилось в конюшне с Молчуном. В тот миг, когда он скрылся за воротами, Певун шел по двору, спеша в избу игумена, где были упрятаны княжна и ее служанка. Услышав рык Молчуна, он подбежал к воротам конюшни, приоткрыл один створ и заглянул внутрь. Он увидел, как бьются Молчун и незнакомец, во всю прыть побежал за сообщниками и отправил их на помощь Молчуну. Сам Асан-Дмитрий вновь поспешил к игумену. Он понял, что оставаться в монастыре опасно и есть еще время скрыться, но знал, что для этого нужна помощь игумена Вассиана. Поможет ли он по доброй воле? Певун в этом пока сомневался и готов был побудить его силой. «А иного мне и не дано», – подумал Певун и скрылся в избе Вассиана.

На дворе обитатели снова какое-то время стало безлюдно и тихо, будто все вымерло. Лишь близ ограды на засыхающей сосне сидел красноголовый дятел и старательно выбивал барабанную дробь. Под ее размеренный звон и вышел из конюшни Илья. Он осмотрелся, увидел, что на дворе пустынно, и побежал к низкому длинному строению, где, как он догадался, были кельи. Питая малую надежду на то, что в них и найдет Елену и Палашу, он все-таки решил сначала заглянуть в них: может, кто-то из монахов и подскажет, куда направить поиски. «Конечно же тати не дураки, чтобы вольно держать в келье великокняжескую дочь. Не для того умыкали», – рассудил Илья, подбегая к строению. Он вошел в длинные сени, где по правую сторону располагались кельи, толкнул первую дверь. Она легко открылась. Илья заглянул в покой, надеясь увидеть инок, но надежды его не оправдались: покой был пуст. Он заглянул во вторую келью, в третью, в четвертую. В них также не было ни души. Лишь в одной из келий перед образом Николая Чудотворца теплилась лампада. Она-то и дала Илье повод подумать, что кельи покинуты недавно. Он воскликнул:

– Господи, что за олух! Все они, поди, в трапезной или за молитвой в храме!

Илья выбежал во двор, помчался к небольшой деревянной церквушке, влетел в нее. Здесь было сумрачно и пустынно, не горело ни одной лампы, ни свечи, ничто не говорило о том, что в храме недавно шло богослужение. То же ожидало князя в трапезной, в иконописной, в покоях игумена – всюду мертвая тишина.

«Куда же подевались монахи, игумен, послушники – вся братия?» – досадуя на новость что от отчаяния, спрашивал себя Илья. Он видел зажженную кем-то лампаду в келье, щупал горшки, корчаги с кашей и щами в трапезной – они еще хранили тепло. В избе игумена на столе лежали хлеб, зеленый лук, стояли баклаги с медовухой и сытой. Поди, татей чествовал игумен. «Значит, были же обитатели монастыря совсем недавно в своих покоях! Куда же они делись?» – искал князь ответы на свои вопросы. Не найдя их, Илья побежал в конюшню, чтобы допросить раненого. Однако тот от большой потери крови был в беспамятстве. Илье ничего не оставалось делать, как привести его в чувство. Он нашел в каморе конюшни печурку, нагреб из нее золы, взял холстину, висевшую над печуркой, и вернулся к татю. Засыпав рану золой и перевязав ее, Илья вновь взялся пробиваться к сознанию раненого, но, как ни бился, это ему не удалось. «Черт меня дернул тебя покалечить», – подсадовал князь. Плюнув под ноги, Илья подошел к тапкане, заглянул в нее с намерением разгадать, зачем сюда пришел тать, что ему потребовалось в повозке. Он увидел, что заднее сиденье откинута и из-под него вытащен легкий заячий полог. Илья донял, что именно за ним и приходил разбойник. «Очевидно, понадобился для сугрева княжны», – сделал вывод Илья. Он рассмотрел подшитый шерстяной тканью полог, прижал его к груди, вновь вопрошая: «Где же ты, голубушка Елена?»

Но нахлынувшая слабость прошла, и в Илье с новой силой пробудилась жажда поскорее найти княжну. Он подумал, что Елена где-то близко, скорее всего, упрятана в каком-либо подземелье и заячий полог потребовался татю только для того, чтобы укрыть княжну от сырости и холода, дабы поставить ее кому-то здоровой и невредимой. Надо было действовать, но как? Куда броситься на поиски тайного убежища? Где тот лаз, которым ушли из монастыря монахи? Он знал, что даже иноки, найди он их, не укажут тайного входа в подземелье.

В этой Арининской обители доживала свой век особая братия, враждебная духу Русского государства. Все это были старцы, бывшие бояре, посадники, купцы, священнослужители, вывезенные из опального Новгорода тринадцать лет назад и привезенные в уготованное им место. Они таили ненависть к государю всея Руси Ивану Васильевичу, и у них был к нему особый счет. Они не благодарили самодержца за то, что одарил их милостью и не подверг жестокой казни за измену отечеству, за то, что дал им право возвести в лесной глуши обитель и отлучил лишь от мира. Насильно постриженные в монахи, новгородцы возводили обитель сами, и, поди, только нечистой силе ведомо, каких тайных убежищ, погребов и подземных ходов понастроили они за минувшие тринадцать лет.

– Ладно, тати, сам найду. А тогда уж не ждите пощады от государя, – взбодрил себя Илья.

Он взял сыромятную подпругу, связал татарину ноги, притянул к ногам здоровую руку – все накрепко связал мертвым узлом. Довольный сделанным, князь отправился искать тайный лаз в подземелья, в убежища. Но еще в пути к избе игумена Илья подумал, что эта его затея может оказаться напрасной. «Коль есть тайный ход, значит, возможен и тайный выход, – посетовал он, – и пока я ищу лазейку, разбойнички выползут где-нибудь в лесу, а там ищи ветра в поле». Досада умножилась еще тем, что в Москве он поступил опрометчиво, не взяв верного Карпа и других помощников. Но сетовать было не на что и не на кого, и князь решил обследовать покои игумена. Победил здравый смысл: ведь тати и монахи не побегут в лес дневной порой, ежели уверены в надежности убежища. В избе Вассиана Илья обследовал все стены, прощупал каждую половицу, слазил под печь и на чердак, перевернул все в снях, в кладовых. Прошло немало времени, а поиски оказались тщетными. В храме Илья нашел подвал. Он был выложен из камня и служил усыпальницей. В нем стояло несколько гранитных раковин с мощами усопших, и не было никакого другого выхода из усыпальницы, кроме как в храм. Покинув подвал и церковь, Илья поспешил в кельи. Там все было на виду: в дощатых полах – ни одного лаза, ни щели.

– Вот уж наваждение! – в отчаянии крикнул князь, опустившись на лавку в последней из обследованных келий.

Посидев в досужих размышлениях несколько минут, Илья вспомнил о своем коне. Пришла мысль порыскать в округе монастыря: авось там на что-нибудь наткнется. Он вышел на двор и побрел к воротам. Силы покидали его. Когда он очутился вблизи ворот, до его чутких ушей донесся конский топот. Илья выглянул в оконце и увидел, что к обители приближается отряд всадников, а впереди ехал любезный ему человек, друг и свояк князей Ряполовских Владимир Гусев. Грудь обожгло радостью. Илья собрался с силами и распахнул ворота.

Боярский сын увидел Илью и, влетев во двор, спрыгнул с коня.

– Нашел-таки тебя, княже! – выдохнул он и спросил обеспокоенно: – Ну что тут, есть какой-нибудь след княжны?

– Не знаю, как сказать, друже. Кони и тапкана княжны здесь, а ее саму не нашел, – ответил Илья и добавил: – Было тут три татя, так я их порешил, а что делать дальше – не знаю.

– Искать, только искать, – отозвался Гусев. – И позволь мне, княже, распорядиться. – Он подошел к воинам, кои стояли за воротами, сказал десятскому, крепкому молодому мужику: – Вот что, Влас. Оставь со мною Клима, сам с воями иди за обитель на полдень, ищи следы. Вдоль берега Москвы-реки откос проверь. Найдешь – преследуй. Пешими далеко не ушли.

– Коня моего возьмите, он за стеной! – крикнул Илья.

– Не надо, – перебил его Гусев. – Клим приведет Казначая в обитель. – И велел молодому светловолосому парню: – Слтай поищи его.

Влас повел свой отряд за обитель на юг, а Ромодановский и Гусев направились к конюшне. По пути Владимир спросил:

– Где ты порубил татей?

– Да здесь, в конюшне. Тебе, может быть, кто-то из них ведом, – заметил Илья.

– Кто их знает, надо посмотреть, – ответил Гусев.

В конюшне Владимира передернуло от увиденного.

– Эко, право, какого зверя завалил, – сказал он и, глянув в лицо Молчуна, признал: – О, сие сын новгородского боярина Ивана Волка. Да помнишь, поди, как жгли в клетке двух Иванов да Дмитрия, изменников новгородских, кои немцев приводили из Ливонского ордена? Этому же по молодости милость оказали, лишь языка лишили. А вот рыжий мне неведом.

Возле татарина Владимир стоял долго, склонился и даже повернул лицо. Сказал значительно:

– Это Хамза, ордынский сеунщик¹⁰ из посольства. Вон куда ниточка потянулась. Неспроста, – заметил он и, поспешив к тапкане, взял в руки заячий полог. – Это матушки-княжны? – спросил он.

– Ее, – ответил Илья и тут же пояснил: – Сын Волка вытащил его из кладки, хотел куда-то унести, очевидно, в подземелье. Тут я его и застал...

– Подземелье, говоришь? Это хорошо, что зацепка нашлась, – отметил Гусев. В его карих глазах вспыхнули огоньки. – Мы то подземелье найдем. Найдем! Знаю я этих новгородских хитрованов. Они и под рекой пройдут не вымокнув. – Он спросил Илью: – Ты когда в обитель вошел?

– Солнце чуть только поднялось, – ответил князь.

– Вона! Мы же в скиту за Островом задержались. А сей миг уже за полдень пошло. И еще раз искал после схватки?

– Да.

– В кельях, говоришь, никого нет? В храме? И в трапезной?

– Нигде ни души. В одной келье лишь горящую лампаду видел, а в трапезной теплые горшки с кашей и щами.

– Так... – Владимир задумался, пощипал опрятную русую бородку. – Вот что. Идем в церковь. Там обязательно зацепку найдем.

– Да я все там облазил. И раки в усыпальнице видел, и стены в ней все ощупал.

– А в ризнице был?

– Весь пол обшарил, сундуки сдвигал.

– Это хорошо. Но все-таки туда и пойдем. Думаю, что за сундуками паутину ты не увидел.

– Ну что там паутина!

– Да в ней и суть, – усмехнулся Владимир.

Князь Ромодановский и Гусев вошли в ризницу и осмотрелись. Владимир сказал:

– Видишь, там пол с уступом и ниже, чем здесь?

– Так. Но он как литой – ни щелочки. И ни одна доска не шелохнется, не скрипнет.

– Верно. Но мы все-таки потрогаем его. – Владимир склонился у задней стены и, ухватившись за плинтус, подергал его, обнажил меч и просунул между стеной и брусом, потянул меч на себя, и брус отжался от стены. – Вот она и разгадка тайного лаза, – бодро сказал он.

Владимир сошел с трех средних досок и нажал на меч сильнее. Под его усилием доски сдвинулись и словно бы поехали под противоположную стену, под уступ на полу. И открылся

¹⁰ Сеунщик – гонец, вестник.

саженной длины лаз. Илья увидел лестницу. Его нетерпение было так велико, что он в тот же миг ступил на нее и поспешил вниз, во тьму. Гусев окликнул его:

– Подожди, княже! Витень¹¹ нужно бы найти или свечу хотя бы. Без них разобьемся и проку мало будет.

– Да полно, любезный, и во тьме пройдем, – ответил Илья и добавил: – Искал я и то и другое – ничего не нашел. Скупно жили монахи или упрятали все в захороны.

Тьма поглотила их мгновенно, лишь только они скрылись за первым поворотом. Илья шел впереди, касаясь мечом и рукой стен подземного хода и кровли. Они были из бревен – надежны. И настил под ногами лежал из плах. Гусев считал шаги, ощупывал рукой левую стену, предполагая, что в главный вход могут влиться боковые ходы слева. Он подумал, что наверняка есть скрытые лазы в кельях и в покоях игумена. На тридцатом шагу рука Гусева провалилась в узкий лаз. Еще через двадцать шагов он обнаружил проход чуть попросторнее. В подземелье было сухо. Гусев понял почему: оно проходило под сосновым бором в песчаных пластах. Шли Илья и Владимир осторожно, готовые к любым неожиданностям. А они поджидали спасителей. Знал Асан-Дмитрий-Певун, что ждет его, если он попадется в руки великого князя, предстанет перед его грозными очами. Шкуру с живого сдерут, и это будет самое малое, что угрожает ему. Потому он вовсе не хотел отдавать себя в руки палачей. Лучше смерть в схватке с князем Ромодановским, которого он узнал в конюшне. А еще лучше перехитрить муксаидов – христиан по Корану – и увезти княжну на священную реку Куасар, в которой вода белее снега и слаще меда. Сожалел Асан-Дмитрий, что потерял верных товарищей – Молчуна, Андрея-юзбаши и Хамзу-унбаши. Но, потеряв одних нукеров, он нашел других. Видел он, как вспыхнули глаза новгородских бунтарей, когда он сказал, что в его руках дочь великого князя. Не сомневаясь, они согласились отвезти княжну по Волге в саму Астрахань. Асан-Дмитрий пообещал им:

– За хороший подарок бакшиш-хану Касиму вас ждет царская жизнь. А если не захотите жить при дворце, вам построят обитель.

Старцы, собравшиеся на совет в келье игумена Вассиана, приняли обещание на веру и решили во всем способствовать похитителям княжны. Все они, еще крепкие телом, жаждали покинуть монастырь и Русь. Они знали, что подземный ход поможет им бежать незамеченными из проклятого места и приведет их к самой реке. А там у них был припрятан легкий и быстрый струг и в нем – припасы на долгий путь. Стоило им дожждаться ночи, и ничто уже не задержит их на Московской земле. Но ночь была еще далеко, а преследователи близко, и один из них – в монастыре.

Асан-Дмитрий понял, что если он хочет выбраться из обители благополучно, то должен действовать, не теряя ни минуты. Увидев, как в конюшне завязалась схватка между его сотоварищем и князем, он прибежал в покой игумена, где находились старцы, и сказал:

– Святой отец, в обители государевы люди, сколько их, я не знаю, но нам пора уходить, пока их задерживают мои кунаки. Мы дождемся ночи в подземелье.

– Мы готовы в путь, – ответил Вассиан и велел открыть лаз в своей опочивальне. – С богом отверзите врата!

Исполняя волю пастыря, два монаха открыли в малом покое лаз, сдвинув, как это делал в церкви Гусев, средние доски. Служка Ипатий и Певун привели Елену и Палашу, укрытых в черные плащи, старцы накинули на плечи торбы с кормом, и следом за монахом с факелом все стали спускаться в подземелье. Кто-то из монахов запел псалом:

– «Расторгнем узы их и свергнем с себя оковы их...»

И многие старцы подхватили псалом:

– «Живущий на небесах посмеется. Господь поручается им...»

¹¹ Витень – факел, смолянка.

С пением государевы преступники исчезли в подземелье, закрылся, словно сам собою, лаз. Никто бы не мог сказать, что в покоях игумена Вассиана еще несколько минут назад толпилось почти двадцать иноков. В покоях царила тишина, чистота и таинственность. Какая-то сила надвинула на доски лаза пеструю дорожку и поставила стол. Все это и застал Илья, появившись в покоях игумена спустя те самые несколько минут.

В подземелье сквозь пение прорывались возмущенные крики Елены и Палаши. Но они были слабые, непохожие на голоса здоровых девиц. Еще утром княжну и сennую девицу насильно напоили квасом с беленой, и теперь они какой-то час пребывали как бы во сне. И люди и вещи казались им тенями, сами же они не ходили, а плавали, будто во сне, и были ко всему безразличны. Они забыли, что с ними произошло за минувшие полсутки, не представляли, где находятся. Лишь изредка к ним приходило некое просветление. Так случилось и в подземелье. Они начали кричать и звать на помощь, но силы их быстро иссякли, и они вновь впали в состояние засыпающих рыб.

Асан-Дмитрий неотступно следил за ними, иногда подносил к их лицам терпко пахнущую льняную подушечку, и окружающий мир становился для Елены и Палаши волшебным, притягательным.

Путники шли подземным ходом медленно и долго. Только Вассиану было ведомо, какой путь они преодолели. А он тянулся больше версты и к тому же еще ветвился. Вассиан со старцами два раза сворачивали от главного хода. Наконец из узкого хода они вышли в просторную клеть с широкими лавками вдоль стен. Вассиан проверил, все ли собрались в клетки, и велел Ипатию перекрыть проход в нее тяжелыми дубовыми плахами. Они плотно и словно намертво ложились в пазы толстых бревен, и вынуть их со стороны хода было невозможно. Когда Ипатий завершил работу, Вассиан сказал:

– Дети мои, здесь будем дожидаться наступления ночи. Да хранит вас Бог Вседержитель. – Асану-Дмитрию он прошептал несколько слов: – Мы с тобой, сын мой, берем слишком большой грех на душу, потому стоять нам смертно и без обмана.

– Так и будет, святой отец: смертно и без обмана, – отозвался тать и взялся проверять заплот. Остался доволен.

Монахи усадились на лавки и замерли. Похоже, они были безучастны к происходящему вокруг них и с ними. Их, видимо, не волновало то, что они стали сообщниками измены государю, державе, сделались соучастниками преступления. Казалось, они приготовились уйти в небытие, с тем и смирились. В созерцании внутреннего мира они готовы были пребывать вечно. Этим знатым в прошлом новгородцам ничего иного не оставалось. У каждого из них был свой мир, свои воспоминания. Однако вкупе они думали об одном и том же: о падении вольного Новгорода, о том, что великий князь лишил их свободы, самостоятельности, разорил их родные гнезда, разрушил семейный уклад, разбросал по гиблым местам. Теперь по вине самодержца Ивана Васильевича они, именитые новгородские люди, потеряли все, что было нажито веками, он превратил их в нищих, без семей, без близких. Такое не забывается. Тот же новгородский посадник Василий Лихой, а ныне старец Вассиан, был главой семьи в семнадцать человек. Одних сыновей было девять. Все сложили головы, кто в сечах с московитами, кто на плахе, и кровь их на руках у великого князя Ивана III. «Эх, Ивашка, Ивашка, за что ты меня в нищету и неволю бросил, за что порубил корни и крону?!» – в сердцах клял великого князя Вассиан, смотрел на княжну Елену ненавидящим взглядом и твердил: «Поделом тебе страдать за грехи батюшки. У Афанасия Некрасы – вон сидит у заплота, горюет – попригожее тебя девки были, невесты сынов моих. А где они? Да по воле твоего батюшки – гореть ему в геенне огненной – все в монашки пострижены». И у каждого, кого бы ни коснулся Вассиан, он нашел бы в душе вместо молитвы ко Христу ненависть к попирателю воли и палачу. «Ничего, теперь наш час пришел хоть малую толику жажды утолить. Не видать тебе своей дщери, самодержец», – утвердился Вассиан в своей силе и стукнул посохом о плахи под ногами.

Однако не все были готовы служить хоть дьяволу, лишь бы побольше укусить великого князя, не все отрешились от родной земли. Еще в тот час, когда во двор обители въехала княжеская тапкана, служка Ипатий понял, что вершится некое злодейство. А когда он увидел княжну и ее служанку со связанными руками, уразумел суть умысла. А убедился в том, что впустил в обитель преступников, когда услышал звон оружия в конюшне. «Что же теперь будет? – спросил себя Ипатий, когда вошли в клеть. – Выходит, что и я пособник татям? Ишь как оплел паутиной Певун. Истинно паук. Того и гляди, заставит руку поднять на государеву дочь. Ведь сунул же мне для надобности за пояс сулебу¹². Нет, тому не бывать!»

До той поры, пока Ипатий не знал о том, что Певун потерял своих сообщников, он хотя и задумал проявить воле Певуна непокорство, но страх перед ним довлел над его благим намерением и он был послушен цепкому жожаку татей. Узнав, что Певун лишился своих подручных, Ипатий воспрянул духом. Час его пришел. И страх долой. С одним-то Певуном он справится, и отсюда, из этой клетки, злочincu не уйти. «Ой, не уйти тебе, Певун! – взбодрил себя Ипатий. – И вы, старцы прогнившие, мне помехой не будете», – окинув взором согбенных монахов, подумал богатырь.

На том и оборвались размышления служки Ипатия, сироты из Кузнецкой слободы. В проходе за дубовым заплотом чуткое ухо Ипатия уловило некие шорохи и тихие голоса. Он подобрался к заплоту, прислушался. Там, за дубовыми плахами, кто-то сетовал на возникшую преграду. В этот миг к Ипатию подошел Асан-Дмитрий.

– Кто там? – спросил он тихо служку.

– Пришли государевы люди, – ответил довольно громко Ипатий.

Он шагнул в сторону, а когда Певун приблизился к плахам и приник ухом, вытащил из-под свитки сулебу, схватил Певуна за шею, сжал, словно клещами, нацелил оружие в бок Певуну, уколол его и яростно приказал:

– Открывай заплот, ежели думаешь остаться в живых!

Асан-Дмитрий никогда не терял самообладания, и испугать его было трудно. Ровным, мягким голосом он произнес:

– Побойся Бога, Ипатушка. Ведь я выполняю волю великой княгини Софьи Фоминишны. Она же вольна распорядиться судьбой своей дочери.

– Елена – государева дочь! Открывай заплот! – потребовал Ипатий и вновь уколол Певуна.

Потекла кровь, но Певун не дрогнул.

– Ну так не мешай мне разбирать заплот.

Асану-Дмитрию потребовалось мгновение. Когда Ипатий отпустил его, он ударил служку в солнечное сплетение локтем и вынырнул из-под него на середину клетки. В руках у татя сверкнула сабля.

– Неблагодарный! Как ты смеешь поднимать руку на благодетеля! – Размахивая саблей, он загнал Ипатия в угол. – Молись Всевышнему!

Ипатий отбивался от сабли сулебой. Тут же, вскинув посох, на служку поднялся Вассиан.

– Ах ты, гнида, ах ты, иуда! – крикнул игумен и сумел ударить Ипатия по плечу.

Еще трое монахов с посохами встали на Ипатия, на него посыпались удары, он едва успевал отбиваться и увертываться от них.

В это время из-за дубовых плах раздался зычный голос Владимира:

– Именем государя, откройте заплот, и вас ждет милость!

– Милости нам не будет, – ответил Асан-Дмитрий. – Если не дадите мирно уйти, мы уьем княжну Елену! – И он крикнул монахам: – Эй, иноки, ведите сюда княжну!

¹² Сулеба – короткий тяжелый меч.

В то же мгновение, когда Певун отвернулся от Ипатия, служка коротким, но мощным ударом – по-кузнецки – выбил из его рук саблю, ринулся на него, повалил на пол, прижал мощным телом. Асан-Дмитрий потянулся за саблей. На Ипатия вновь посыпались удары посохов. Но он успел ударить рукоятью сулебы Асана-Дмитрия по голове, и тот сник. В тот же миг Ипатий перехватил посох Вассиана, вырвал из его рук, поднялся на ноги и, размахивая посохом, разогнал монахов, поспешил к заплоту и принялся вынимать плахи.

Монахи засуетились, вскинули на плечи свои сумы и, увлекая Елену и Палашу, покинули клеть. Вассиан не побежал. Он склонился к Асану-Дмитрию, тронул его за голову, повернул лицом, потом выпрямился, шагнул к Ипатию и ударил его кулаком по лицу.

– Проклинаю! – С тем и поспешил за убегающими монахами.

Игумен знал, что никто из иноков не надеялся на милость великого князя, всем им, как и ему, грозила лютая смерть за то, что пригред похитителей, что изменил крестному целованию служить верой и правдой державе и великому князю. Вскоре Вассиан услышал, как преследователи настигают его.

Илья ввалился в клеть, едва отбросили четвертую плаху. Он схватил Ипатия за плечо и спросил:

– Ты кто?

– Служка я монастырский, – ответил Ипатий.

– Где княжна?

– В лаз ее утанули. Поспеси не мешкая за мной.

Ипатий повел Илью в узкий проход. Служка мчался по подземелью с топотом и рычанием, словно медведь. Илья едва поспевал за ним. Они бежали в полной темноте, любое препятствие могло быть для них роковым, но о том им некогда было думать. Вскоре они услышали, как впереди кто-то тяжело бежит, сопит и стонет. Это был Вассиан. Ипатий схватил его за рясу, дернул и завалил под ноги. Перешагнув через Вассиана, он помчался дальше. Наконец Ипатий и Илья увидели свет факела. Догнав монахов, Ипатий хватал их за что придется, кидал, будто снопы, под ноги, пробивался к тем, кто бежал впереди. Он знал, что княжну и сennую девицу уводят два более молодых монаха, которые тоже попали в сети Певуна, служили ему. Неожиданно свет факела пропал, а Ипатий и Илья оказались перед разветвлением подземного хода. Ипатий взмолился: «Господи милосердный, укажи путь!» – но в растерянности пребывал недолго, толкнул Илью налево:

– Беги туда, а я – сюда!

Илья бросился в темноту, но пробежал совсем немного, споткнулся о большой камень и упал, повредив колено. Превозмогая боль, мутившую разум, волоча ногу, он двинулся дальше и через минуту-другую заметил впереди дневной свет. Прибавилось сил. Илья одолел немощь-боль, и вот уже выход из подземелья – прямо в густые заросли кустарников. Солнечный свет ожег глаза. Илья закрыл их и вслепую выбрался из кустов вниз по кособокому на лужайку, а когда открыл глаза, то увидел, как к берегу Москвы-реки спускаются два монаха и между ними связанные по рукам Елена и Палаша. Они были саженях в двадцати, и Илья закричал:

– Стойте! Именем государя, стойте!

Вскинув меч, он похромал, потом кубарем полетел вниз.

– Нет, вам от меня не уйти! – в ярости крикнул он, поднимаясь на ноги.

А справа саженными прыжками на помощь Илье летел Ипатий. Монахи поняли, что им нет спасения, и, бросив свои жертвы, разбежались в разные стороны. Илья в те мгновения вновь упал на землю, покатился вниз и остановился лишь у самых ног княжны Елены.

– Господи, княже, спаситель наш! Да уж не с неба ли ты?! – воскликнула княжна.

Илья поднялся, начал развязывать Елене руки. Ипатий хлопотал над Палашей. Как только у Елены освободились руки, она обняла Илью и припала к его груди.

– Любый мой, ангел-спаситель мой, – шептала она в порыве благодарности. Елена нашла его губы, целуя, продолжала шептать: – Любый мой, любый сокол!

Поддался порыву и Илья. Забыв о Палаше, он целовал лицо Елены и тоже шептал:

– Аленушка, Аленушка, радость моя!

Той порой на круче появился Влас со своими ратниками, и смущенные Илья и Елена отделились друг от друга. Лица их пламенели.

– Прости меня, княжна, что голову потерял, – приходя в чувство, сказал Илья.

– Матушка Богородица простит нас, заступница наша, – ответила Елена, улыбаясь.

Поднявшись на косогор, Илья распорядился:

– Влас, лови монахов. Двое из них где-то на берегу реки, а остальные прячутся тут по кустам.

– Исполним, княже, – отозвался Влас и крикнул ратникам: – А ну, отловить их, как лис!

– Ипатий, – позвал Илья служку, – найди Вассиана в подземелье. Сам с воинами поведешь его в Кремль, все расскажешь государю.

– Того заслуживает Вассиан, – ответил Ипатий. – Я приведу его.

Он пошел вверх, к лазу в подземелье.

Илья, Елена и Палаша медленно направились лесом к обители. Княжна была все еще возбуждена и благодарила Илью за спасение.

– Господи, сколько страху мы натерпелись! Да я верила, что нас не оставят в беде. И прими, мой ангел-спаситель, благодарность, – вновь с понятным Илье смущением произнесла Елена.

Близ монастырских ворот Елену и Палашу ждала тапкана. Возле нее стоял Владимир Гусев. Он распахнул дверцу.

– Спасенной – рай! Спешి домой, матушка-княжна, порадуи батюшку, да нас избавь от смертной маеты, – сказал он с поклоном. – И тебе, княже Илья, благодарность от россиян за мужество. Скажешь в Москве, что я остался отлавливать монахов-злочинцев.

– Поедем вместе, – позвал Илья. – Тут есть кому их повязать.

– Нет-нет, дело надо довести до конца. Перед государем ответ держать буду. – И Владимир поклонился Елене.

– Все это я передам батюшке, славный боярский сын, – отозвалась Елена и повернулась к Илье: – Садись с нами, любезный князь. Ведь ты наш спаситель, нам бы без тебя...

Ее темно-карие глаза светились нежностью.

– Благодарствую, великая княжна. Мне привычнее в седле, – ответил Илья и спросил Гусева: – Не пойман ли мой Казначей?

– Он ждет тебя за воротами. Да и Клим возьми с собой за возницу. – Гусев крикнул: – Эй, Клим! – Тот вышел из ворот. – Садись за вожжи!

Молодому румянолицему молодцу это пришлось по душе. Он важно поднялся на облучок, с достоинством взял ременные вожжи и застыл в ожидании приказа. Появился верховой Илья, взмахнул рукой, дал команду:

– Пошел с богом!

Клим лихо свистнул, кони с места пошли рысью.

Глава шестая

Игры

Похищение Елены и ее спасение еще долго будоражили душу и сердце Ивана Васильевича. По воле великого князя уже были казнены Асан-Дмитрий и Хамза-ун баши. Монахов Арининской обители угнали в гиблые места за Белоозеро. Ипатия не забыли и наделили землей, дали серебра на избу, на коня, на хозяйство. Владимир Гусев стал окольным. А Иван Васильевич все переживал тревоги тех долгих памятных суток, когда Елена была в руках злодеев. По ночам он плохо спал и не мог отделаться от навязчивых мыслей: что было бы с ним и со всеми виновными в похищении дочери, ежели бы ее не спасли?

Но время и многие государевы заботы делали свое дело, и отступила сердечная боль-маета. Однако державная мысль, свившая свое гнездо в голове государя, не покидала его ни днем ни ночью. Пора, пора было выдавать дочь Елену замуж. Сразу после летнего пожара в Москве государь отправил в Литву большое посольство во главе с боярином князем Василием Патрикеевым, человеком достойным и умным. Наказал ему:

– Ты скажешь князьям-литвинам, что с войной теперь покончено. Нет Казимира, и сеч не будет. Еще скажешь, что государь всея Руси без помех принимает к себе на службу всех русских князей, неугодных Литве и надумавших отъехать из Великого княжества. Есть же там князья, кои костью в горле торчат у Александра.

– Все так и будет сказано, государь-батюшка, – заверил Ивана Васильевича Патрикеев.

– Проведай и то, что они мыслят о заключении мира. Какой год проволочку тянут, а воз и ныне там. О том прежде частно поговори с князем Яном Заберезинским. Он в чести у панов рады и умеет влиять на Александра. Да пусть Заберезинский напомнит великому князю о том, что тот хотел заслать сватов, не то потеряет достойную супругу. Да предупреди, чтобы ни литовские паны рады, ни церковные чины не вмешивались в наши семейные переговоры. Все ли понял, служилый и любезный боярин?

– Все зарубки поставлены, государь-батюшка. Исполню, как сказано. И мир нам нужен, и невеста на выданье у нас отменная. Верю, как смоем неприязнь между державами да родятся добрые отношения, так и церковники утихомируются. И супружеству не будет помех.

– Верно размышляешь, любезный, – отозвался великий князь.

Не предполагал, однако, Иван Васильевич, что его посольство вернется из Вильно несо-лоно хлебавши. По известным только Литве причинам испугало литовских князей, панов рады и церковников то, что Василий Патрикеев сказал знаменательные слова: «Государь всея Руси». Позже Патрикеев понял, что Иван Васильевич поторопился с заявлением о своем титуле: великий князь – одно, а государь всея Руси – совершенно другое. И испугались литвины не без оснований. Знал же Патрикеев, что в эту пору Великое княжество Литовское на две трети состояло из русских земель, захваченных разбойным путем в пору великого нашествия на Русь монголо-татарских орд, и государь всея Руси имел право на эти земли и считал долгом их возвращение в лоно своей державы. Титул великого князя, по мнению литовцев, такого права Ивану Васильевичу не давал. Великий князь Александр не устоял перед натиском своих вельмож, и само собой погасло его желание свататься за дочь «государя всея Руси».

Иван Васильевич не предполагал, что ему будет отказано по такой причине, и сильно расстроился из-за несостоявшегося сватовства. Однако он проявил упорство и по-своему добивался цели. В те дни, по возвращении Василия Патрикеева из Литвы, государь спросил его:

– Скажи, любезный сват, неужели так бесхарактерен литовский князь Александр, что так легко отказался от своего желания жениться? Или схиму принять намерен? – улыбнулся он.

– Промашку мы допустили, Иван Васильевич. Твое грозное имя «государь всея Руси» испугало его. Да и не его прежде, а все великокняжеское окружение и панов рады. Но мыслю я все поправить. Отправь-ка меня, государь-батюшка, в Новгород, друга повидать, с ним с глазу на глаз побеседовать. У него в Литве есть сильный человек.

– Кто тот новгородец?

– Он тебе ведом и в чести у тебя. Это наместник Яков Захарыч.

– Достойный муж. Собирайся, коль так, в Новгород.

И великий князь послал Василия Патрикеева к наместнику Якову Захарычу, который давно дружил с троцким воеводой Яном Заберезинским. С приездом Патрикеева Яков завел переписку с Яном, изложил желание Ивана Васильевича породниться с Александром. После первого же обмена грамотами Ян Заберезинский сам прибыл в Новгород, якобы за покупкой заонежских кречетов. А заодно и для разговора без чужих глаз и ушей.

Яков Захарыч исполнил волю государя и сказал Заберезинскому все так, как услышал от Патрикеева. Однако троцкий воевода, покинув Новгород со многими дарами, доложил своему великому князю не так, как было должно по уговору, а как хотелось панам рады. Не ожидал подобного подвоха от «друга» Яков Захарыч, и случился новый казус, который углубил раскол между Русью и Литвой. Потом троцкий воевода, оправдываясь перед новгородским наместником, скажет:

– Не надо было Ивану Васильевичу спешить величать себя государем всея Руси. Поняли же в Литве паны рады, что он и на литовскую Русь пытается наложить свою руку.

– Да мы двести лет не спешили, и ты это знаешь, – горячился Яков. – Разве это не наша отчина?!

– Была ваша, а ныне наша, – упорствовал Ян Заберезинский, и не без корысти: в Литве на землях Древней Руси были и его уделы.

Озлился Яков на троцкого воеводу и отписал государю всея Руси так, как сгоряча выпалил Ян Заберезинский. Иван Васильевич счел себя оскорбленным воеводой и запретил Захарычу вести с ним какие-либо переговоры, сетовал на потерянное время. При этом он написал Якову, как всегда, просто и мудро: «Я найду себе совместников против Казимировых детей».

Эти «совместники» нашлись совсем неожиданно и помимо воли великого князя. В разгар зимы в Москве появилось посольство князя Конрада Мазовецкого из именитого королевского рода Пястов. Князь Конрад искал себе невесту не сам. Ее нашли рыцари Ливонского ордена, побывавшие в гостях у Ивана Васильевича. Они опасались породнения Московии и Литвы и потому решили помешать мирным переговорам между государем Руси и великим литовским князем. Посольство мазовецкого князя не было тайным. Его послы мчали в Москву через Литву торжественным кортежем. Правда, при первой встрече с Иваном Васильевичем глава посольства пан Гусинский поначалу завел речь о дружбе, о борьбе против «общих недругов». Кто эти «общие недруги», он не пояснил, но сказал определенно о призыве своего князя:

– Князь Конрад зовет вас, великий князь всея Руси, вступить в тройственный союз с Ливонским орденом и княжеством Мазовецким.

Иван Васильевич все-таки попытался прояснить, против кого Конрад ищет «совместников».

– И в какие земли, ежели что, нам идти скопом? – спросил с лукавинкой в серых глазах Иван Васильевич.

– Я лишь могу напомнить, что вашему мирному обиходу мешают дети Казимировы.

Пан Гусинский был осторожен в выражениях и не сказал напрямую о планах князя Мазовецкого.

Встреча пана Гусинского и Ивана Васильевича была недолгой. Они поговорили об ордынах. Гусинскому важно было знать, каково положение в Большой Орде: ведь она была союзницей Казимировых детей. Великий князь порадовал посла:

– Там склока. Грызутся, как волки.

На том в первый раз и расстались. А через день пан Гусинский вновь напросился на прием и встретился с великим князем все в той же Средней гриднице.

– Разве мы не обо всем поговорили в прошлый раз? – спросил посла Иван Васильевич. Он сидел на троне, был благодушен и величествен. – Что ж, открывайся, пан Гусинский.

– Простите, государь всея Руси, – подобострастно произнес посол. – О главном с князем было велено сказать при второй нашей встрече.

– Коль так велено, слушаю.

– Просит мой князь Конрад руки вашей дочери, великой княжны Елены. Она у вас уже невеста, без сомнений.

– То верно, пора и замуж выдавать. Но я слышал, что князь Конрад в супружестве. Как же он отважился на сватовство?

– Был, батюшка-государь всея Руси. Ныне он порвал узы брака. Та женщина недостойна его чести.

– И церковь благословила развод? – не спуская зорких глаз с лица Гусинского, спросил Иван Васильевич.

– Да, государь всея Руси, на то была воля самого Папы Римского Иннокентия. По-иному и нельзя бы...

Иван Васильевич понял, что посол говорил правду. Спросил вновь:

– И что же еще велел передать князь Конрад? Чем порадует государя русского?

– О, мой князь обязуется отписать на имя невесты известные города. В них процветают ремесла, торговля, горожане там боголюбивые и с радостью примут новую государыню, – с жаром говорил Гусинский.

Великий князь одобрительно покачал головой, но ничего не сказал в ответ. Ему было над чем поразмыслить. Он не ведал процветающих городов в Мазовии и засомневался в благополучном супружестве с мазовецким князем Конрадом. От такого зятя будет мало проку, и прежде всего – Русскому государству. Да и сам Иван Васильевич не хотел быть опекуном слабенького иноземного княжества. «Все они, и Ягелонны и Пясты, хотят моими руками загребать жар из чужих печей. Ан не выйдет», – заключил он и сказал свату:

– Мы тут подумаем, какой ответ ты повезешь своему князю из Московии, как вы там величаете нашу Русь.

– Спасибо, великий государь, ждем от вас благого ответа, – откланиваясь, произнес пан Гусинский: надежд на благополучный исход своего посольства он уже не питал.

И через три дня состоялась третья встреча в Средней гриднице. Но на сей раз посла принимал боярин Василий Патрикеев. Важный, с окладистой бородой и молодыми синими глазами, Василий всегда говорил так, что его приятно было слушать. И на сей раз он не разочаровал.

– Ты, пан Гусинский, отправляйся завтра домой, ибо такова воля государя всея Руси, – начал боярин Василий. – Скажешь своему князю, что к нему придут наши государевы послы. Посмотрят на суженого. Ведь наша невеста красотой ангельской одарена и умна вельми. Еще послы наши посетят города, кои намерен отписать ваш князь супруге. Там и решим все полюбовно. Ежели тебе неужгодно сказанное, перечь. Но уехать тебе должно завтра, как только получишь государевы дары.

И все-таки сладкие речи боярина Патрикеева не вселили в пана Гусинского надежду на то, что Конрад обретет себе богатую невесту, а затем и супругу из могущественной Московии. Сам-то он шел по воле своего князя на явный обман: города, кои думал отписать Конрад, не процветали, а пребывали в нищете из-за непосильных поборов. Покидал пан Гусинский Москву без приятных вестей для князя Конрада, но с богатыми дарами – так уж повелось у Ивана Васильевича.

Через неделю после отбытия мазовецкого посла государь давал напутствие главе посольства, думному дьяку Федору Курицыну. Знал Иван Васильевич, что умный дьяк исполнит его волю в Мазовии так, как нужно. Наказ Федору был особый и тайный. Никто, кроме государя и дьяка, не знал о беседе между ними. Для всех будет ведомо другое.

– Пиши моим именем грамоту князю Конраду. А в ней изложи, что мы желаем знать, в каких отношениях находится мазовецкий государь с польским государем Яном Ольбрахтом и магистром Ливонского ордена фон Плеттенбергом. О моих взглядах на супружество Конрада и Елены мы писать не будем. И постой на том крепко, чтобы города, кои Конрад думает отписать на Елену, показали тебе.

– Уразумел, государь-батюшка, – согласился думный дьяк, но и своими размышлениями поделился: – Однако выслушай, батюшка, мое наблюдение. Князь Конрад называет в своем титуле русские земли. Но у нас есть сомнение о правах мазовецкого князя на эти земли. Они в руках литовского князя. И выходит, батюшка, налицо явный обман.

– Коль так, то сие в ущерб князю Конраду, а не нам. С обманщиками нам не по пути.

Посольство Федора Курицына провело в переговорах и в осмотре мазовецких городов больше месяца. Вернулся Курицын перед самой весенней распутицей. Он изложил обстоятельно, как живет с соседями мазовецкий князь, как прошли переговоры по сватовству и осмотр городов, что выведали его дотошные подьячие о личной жизни Конрада. А в заключение коротко сказал:

– Ты, государь, забудь о пройдохе Мазовецком. Он бабник, и гулена, и на соседей кулаками машет. А города его нашим селам не сродни, лишь сиротством богаты.

– Спасибо за службу, любезный Федяша, – поблагодарил дьяка Иван Васильевич. – Знать, угодно Господу Богу, чтобы Еленушка была литовской государыней. Только и тут надо жестко говорить с литвинами. У нас есть что требовать от Ягеллонов.

Посольская служба Ивана III в ту пору радела за Русь исправно, и вскоре он знал, что происходило в Мазовии и в Литве в одно и то же время. Великий князь Александр был очень обеспокоен сговором князя Конрада с магистром Ливонского ордена фон Плеттенбергом. Знал он, что его войску будет трудно воевать, если на державу нападут две силы. Потому, несмотря на натянутые отношения с Русским государством, Александр отважился наладить дружбу и отправил в Москву посольство во главе с ловким дипломатом паном Станиславом Глебовичем. Наказывал он послу строго:

– Сиди в Москве, пока не добьешься мира. Иначе в Вильно не возвращайся. – Мягкий по нраву, Александр в трудный час хотел быть жестким. – Помни, что в твоих руках судьба Литвы.

– В меру сил я постараюсь, государь, выполнить миссию, – ответил посол.

Станислав Глебович был изворотлив и пронырлив. Он не раз побывал в Орде и там многому научился. Он попросил у Александра подарков для московских дьяков.

– Бакшиш сделает сговорчивее лисье окружение князя московитов, – попытался убедить Станислав великого князя.

Александр по натуре не был жадным и умел делать подарки, но лишь при условии, если у него имелось, что дарить. Позже стало известно, что государь Литвы всю жизнь носил кафтаны с «дырявыми карманами». Однако Глебовичу он пообещал:

– Повезешь в Москву все, что нужно.

«Хождение» Глебовича в Москву, к великому огорчению Александра, оказалось неудачным. На приеме литовских послов Иван Васильевич сказал просто и твердо:

– Мы стояли и будем стоять на одном: пока Ягеллоны не вернут Руси всех ее отчин, мирному договору не быть!

– Великий князь, вашу заботу о русских землях наш государь понимает, и близок час, когда русские князья и их холопы вернутся под ваше крыло, – Станислав пытался умили-

вить Ивана Васильевича и даже сделал намек о признании прибавления к титулу: – Вы не только великий князь, но и государь всея Руси, с чем склонны согласиться паны рады.

– Ничего удивительного тут нет, – ответил с усмешкой Иван Васильевич. – Я действую и живу по старине и по праву своих предков. Потому все иноземные государи чтут меня как государя всея Руси, лишь твой Александр да Ольбрахт, братец его, упорствуют. И мое последнее слово таково: не тратьте попусту корма и уходите домой. Авось ваш Александр разумом посветлеет.

– Но мы и о другом хотели бы поговорить. Великий князь просил узнать, с чем приходили к вам мазовецкие послы?

Этот вопрос задел Ивана Васильевича за живое. Он сердито сказал:

– Пусть твой Александр не сует нос не в свое дело, ежели не ищет ссоры. – И великий князь покинул тронную залу.

Проводив литовских послов без каких-либо надежд на мирный договор, Иван Васильевич, однако, задумался. Ему не давали покоя мысли о дочери Елене. Получалось, что устроить Елену повыгоднее для Руси оказалось тщетным. Встречаясь с нею в трапезной, он то не смотрел на дочь, то вглядывался пристальнее обычного. И щемило от боли сердце: вдруг тати снова замыслил похитить ее? Он этого не переживет.

Волновалась за Елену и великая княгиня Софья Фоминишна. В душе она тоже желала выдать дочь за великого князя Александра. По ее мнению, он был порядочным человеком, к тому же под стать Елене – красивым. Однажды перед сном она посоветовала супругу:

– Был бы ты, батюшка, поговорчивее с послами Александра, не болели бы наши головышки. Пристроили бы мы доченьку, а там, глядишь, было бы легче разговаривать с зятем и о русских землях.

У Ивана Васильевича в последние годы разговор с женой складывался раз от разу труднее. Ему все казалось, что она по любому поводу идет наперекор его желаниям. На сей раз она была права, но он все же ответил так, что отбил у нее охоту продолжать позднюю беседу:

– Мне нет нужды быть сговорчивее. Пусть литвины одумаются и приходят. Мои палаты открыты для сватов Александра.

Твердость и терпение Ивана Васильевича были вскоре вознаграждены. Вельможи литовской рады, всегда несговорчивые, вдруг пошли навстречу своему великому князю и помогли ему, как они понимали, принять правильное решение. От панов рады пришла в Нижний замок делегация.

– Государь, отправь в Москву великое посольство только с одной целью: засватать великую княжну, – выступая от имени рады, принялся убеждать Александра Ян Заберезинский. – Выдай послам опасные¹³ грамоты и с богом пошли их в Московию.

Александр принял совет депутатов без возражений.

– Так и будет, как просите, – заявил он. – А тебе, ясновельможный Ян, вести послов. Ты удачливый.

В душе великий князь был доволен тем, что рада нашла выход из трудного положения, и, когда пришел час писать грамоту великому князю всея Руси, он повелел открыть ее высоким титулом, как того добивался Иван Васильевич: «Государю всея Руси».

Великое посольство Литовского княжества покинуло Вильно в январе 1494 года. Двигались быстро, и вскоре послы появились под стенами Кремля. Однако с приездом литовцев Иван Васильевич по не ведомым никому причинам вновь пустился в сватовскую игру. Он упрятал княжну Елену в терем под строгий надзор мамок-боярынь и не позволил ей быть на церемонии встречи сватов. Софья Фоминишна пыталась умиловить супруга, но ей это не удалось. Мать и дочь смирились с этим не без горечи. Зная, что великое посольство часто возглавляют госу-

¹³ Опасные – здесь охранные.

дари, они надеялись увидеть Александра. В последние часы перед встречей с послами Елена еще раз попыталась упросить матушку поклониться батюшке, но Софья Фоминишна отказалась:

– Проку мало, доченька. В батюшку словно бес вселился, он не желает путем вести речи о сватовстве, и кончится, голубушка, оно ничем, хотя твоей руки просили другие государи.

– Что за напасть! Какой корысти ищет батюшка? – со слезами на глазах спрашивала княжна.

– Корысти личной батюшка не ищет. Она державна.

Софья Фоминишна была мудрой женщиной и видела так же далеко, как и ее муж. Да и жестковата была в большей степени, чем Иван Васильевич: тому византийское воспитание являлось причиной. Знала великая княгиня, чего добивался государь. Она продолжила:

– Потому наставляю тебя на терпение и послушание. К тому же добавлю, чтоб не маялась: великий князь Александр в Москву не пожаловал.

Почти месяц продержал Иван Васильевич послов, каждый день добиваясь от них уступок. Ян Забerezинский, к которому теперь великий князь относился миролюбиво, дважды отправлял гонцов в Вильно, дабы уведомить Александра о претензиях государя всея Руси.

– Передай великому князю, что, если мы будем скупиться на порубежные земли, согласию не быть, – наказывал Забerezинский пану Сигизмунду Сантаю, когда тот покидал Москву.

– Вот уж будет мне нахлобучка от панов рады, как узнают, чего добиваются москвиты, – сетовал пан Сигизмунд.

– Что поделаешь, если мы в этой игре за козлов отпущения, – пытался утешить Сантая Забerezинский.

Проводив Сигизмунда, Ян и его свита коротали время, слоняясь по Москве, по Кремлю. Правда, в Кремле было на что посмотреть. Итальянские и русские мастера, работая бок о бок, поднимали новые каменные стены вокруг Кремля, перестраивали великокняжеский дворец и украшали храм. Всюду лежали горы камня, кирпича, бунты леса. Шум работ, говор не умолкали даже в морозные дни от утренней зари до вечерней. Артельные десятники покрикивали на работных людей, а на десятников, непонятно за что, кричали итальянские мастера. Ян Забerezинский удивлялся размаху работ – знать, казна позволяла – и видел будто воочию, каким будет Кремль через пять – десять лет. Он с завистью признавался, что Кремлю не будет равных во всем мире.

Наконец гонцы вернулись из Вильно и привезли повеление великого князя идти на все разумные уступки. Иван Васильевич торжествовал. Он добился того, чего желал. Между Русским государством и Литвой был заключен мирный договор, во всех отношениях выгодный россиянам. С этого часа никто не оспаривал титул «государь всея Руси». Иван Васильевич сказал тогда служилым боярам и дьякам:

– Теперь мы позволим Александру Ягеллончику стать нашим зятем. Дайте о том знать главному послу Яну Забerezинскому.

Лишь после этого великое литовское посольство – более двадцати человек – было приглашено на торжественный прием. Послы низко кланялись государю всея Руси и вручили ему грамоту Александра с просьбой о руке великой княжны Елены. Но в этот день они не получили ответа на грамоту. Они были званы на обед, и за столом велись разговоры обо всем, но только не о сватовстве. Лишь в конце трапезы Василий Патрикеев сказал Яну Забerezинскому:

– Приводи княжьих сватов послезавтра в сию Брусную гридницу, тогда и поведем речь полюбовную. Да чтобы хмельных среди вас не было, а то, я вижу, многие из твоих лыка не вяжут к вечеру.

– Так ведь от тоски да от скуки извелись. А за добрую весть спасибо тебе, боярин. Два дня без хмельного перемаемся, – ответил Ян.

Подождал долгожданный день сватовства. Послы предполагали, что все будет просто: придет из своих покоев государь Иван, сядет на трон и скажет: «Ну, сваты дорогие, милость моя к вам есть, смотрите невесту, да и по рукам». Ан нет, проволочка вновь случилась-таки. Когда послы уселись на обитые алым бархатом скамьи, толпой появились в Брусяной зале князя, бояре, иереи, дьяки. И выступил от имени государя всея Руси митрополит Зосима. Был он немощен от болезней и старости, но голосом владел сильным и проговорил такое, что озадачило послов, а кое-кого и в недоумение ввело:

– Гости панове, послы Литовского княжества, сказано государем всея Руси и великим князем многих земель Иваном Васильевичем, что он согласен выдать дочь Елену за великого князя литовского Александра. Но он непременно должен исполнить волю государя всея Руси и Господа Бога.

– Излагай свою волю, владыка, – попросил Ян Заберезинский.

– Суть ее проста, дети мои. Ждет Иван Васильевич от Александра клятвенную грамоту о том, что дает своей супруге свободное и непринужденное исповедание православной веры, чего и прежние государи требовали.

Сей гром среди ясного неба поверг послов в молчание. И все-таки самый горячий из них, Сигизмунд Сантай, воскликнул:

– Как мог великий князь россов и государь всея Руси кружить нам головы! У нас есть своя вера, свои церковники, им и решать, в какой вере быть супруге великого князя!

В завязавшийся спор вмешался Ян Заберезинский, заговорил с Сантаем по-литовски. Дескать, остудись, Сигизмунд. Сказано нами, что у нас есть воля великого князя Александра дать такую клятву, – вот и дадим. Да помни, любезный, в утешение: ныне клятвы и договоры не в цене. Нам ли стесняться? Услышь отца Макиавелли. Он же говорил: «У нас есть Бог, который простит нам прегрешения». И Ян Заберезинский, нисколько не смущаясь ложью, заявил русским вельможам:

– Мы знали, что вы потребуете того, и потому заверяем: клятвенную грамоту великий князь Литвы подпишет, если вы ее напишете.

Ян Заберезинский знал, какую ответственность примет на себя Литва, если подобная грамота будет составлена и ее подпишут: Руси будет дозволено вмешиваться во внутренние дела его державы. Однако глава посольства оставался спокоен и верен себе. Он помнил, что в Польше и Литве есть примеры того, как обводили вокруг пальца простаков россов.

Но ни боярин Патрикеев, ни дьяк Курицын, ни тем более Иван Васильевич простакami не были. Все они вкупе сумели завершить сватовство с большой выгодой для Русского государства и расчистили ниву под посев дипломатического жита. Не предполагали они одного: Макиавелли властвовал не только в душе главы посольства Заберезинского, но и в душе Александра Ягеллона – и потому игры в сватовство продолжались, хотя на февраль 1494 года были назначены смотрины и обручение.

Глава седьмая

Коса на камень

Елена уже смирилась с тем, как протекало ее сватовство, она не замечала каверз и проволок при сговоре. Смирилась княжна и с державной корыстью батюшки, поняв, что интересы государства для него превыше всего. Даже любовь к дочери не могла поколебать их. «Конечно же радение государя за Русь всегда похвально, – пыталась убедить себя Елена, – но, может быть, и радению должен быть предел». Однако княжна с осуждением остановила себя и упрекнула за то, что слишком много думает о себе, что сомневается в праведности действий батюшки. Пусть же он благодаря ее замужеству получит выгоду для державы. Разве это не достойно похвалы? А она, «девка-служебница государева», претерпит все ради блага Руси. Так размышляла княжна Елена, сидя в тереме, перебирая драгоценные украшения и любуясь своими нарядами, в которых она выйдет к послам в час обручения. Ей было чем полюбоваться. Как красив, как богат ее царский венец, украшенный лалами, диамантами, яхонтами да зернами жемчугов. В ларцах играли лучами золотые и жемчужные нити для косы, серьги-подвески с сапфирами, рубинами и изумрудами.

Палаша помогала Елене примерять украшения, со смехом надевала их на себя, а потом рдела от смущения. Вскоре пришла мамка-боярыня Анна Свиблова, принялась наряжать княжну на смотрины. Они должны были состояться в покоях Софьи Фоминишны. К назначенному часу Анна одела Елену в прекрасные одежды византийского покроя и украсила множеством драгоценностей. Однако ни богатые одежды, ни сверкание дорогих камней и золота никак не скрадывали природную прелесть княжны. Все в ее лице, фигуре притягивало взгляды, во всем угадывалась царственная стать.

Когда Софья Фоминишна ввела княжну Елену в палату, где уже собрались все чада и домочадцы во главе с Иваном Васильевичем, все близкие к государю князья, бояре, дьяки, а также великое литовское посольство во главе с Яном Заберезинским, взоры всех окутали княжну дымкой восторга, особенно же были очарованы литовские послы. «О Господи, это то, что нужно нашему государю, нашему рыцарю красоты и отваги!» – воскликнул в душе пан Сигизмунд Сантай, один из верных сотрапезников Александра. «Восхищенные послы поклонились невесте и передали ей поклон от ее жениха Александра Казимировича», – отмечали летописцы той поры. Кроме поклонов, Сигизмунд Сантай вознес невесте многословную похвалу. Но в ответ на речь Сантая Елена не сказала ни слова, потому как было не положено невесте разговаривать. За нее отвечал окольничий Семен Ряполовский:

– Великая княжна Елена принимает поклоны от великого князя Александра Казимировича и спрашивает, как его здоровье, не мается ли болезнями?

Послы вновь поклонились Елене, и за всех ответил Ян Заберезинский:

– Славный великий князь литовский Александр Казимирович пребывает в здравии и с нетерпением ждет приезда невесты.

После этого Заберезинский позвал слуг и принялся вручать великому князю и великой княгине подарки от Александра. Исполнив эту часть свадебного сватовского обычая, Ян спросил Семена Ряполовского:

– Будет ли ныне обещанное обручение?

Князь Семен удивленно вскинул брови и ответил так, что у Заберезинского екнуло сердце:

– Как ему быть, ежели жениха нет! Не нам нарушать обычаи предков. – И тут же склонился перед Иваном Васильевичем: – Послы ждут твоего слова, государь-батюшка.

Ивана Васильевича одолевала сердечная маета. Ведь то, о чем он хотел бы сказать, опять повергнет послов в тяжелое уныние, он же не желал того. Умудренный жизнью, великий князь подумал, что в сей миг лучше уступить чаяниям послов и дочери, потому как, считал он, обручение не последний шаг к супружеству. И все-таки он посупротивничал:

– Мы и впрямь готовы свершить обручение, а жениха-то нет.

– Да есть же, есть, государь всея Руси, – воскликнул Заберезинский. – Вот пан Станислав Глебович, маршалок и дружка Александра. Он же и за жениха нареченного!

– Коль так, у нас препон нет, – отозвался Иван Васильевич и спросил супругу: – Ты как мыслишь, матушка?

– Вкупе с тобой, батюшка, – ответила Софья Фоми-нишна.

Иван Васильевич велел Семену Ряполовскому внести обручальный перстень и крест для Елены. Все это было отдано Заберезинскому. Он же передал перстень Станиславу. В зале воцарилась тишина. Обручаемые вышли на середину залы. Заберезинский и Ряполовский увенчали их золотыми крестами. Но еще не исполнился обручальный обряд, не прозвучали слова «жених» и «невеста», как Елена ощутила в сердце боль, в глазах появилась печаль и навернулись слезы. Она знала причину того и попыталась превозмочь в себе острую слабость, обвела большими темно-кариими глазами всех собравшихся в палате и остановилась, будто споткнувшись, на лице молодого князя Ильи Ромодановского. Он смотрел на нее взором, полным страдания и неизбывного горя. Елене были ведомы причины его мук, они были сходны с ее муками. Оба они теперь были обречены нести эти муки и страдания, словно кресты на Голгофу.

В эти минуты к Елене подошел митрополит Зосима и, слабеющей рукой осенив ее тяжелым золотым крестом, тихо сказал:

– Да хранит тебя, дочь моя, на тернистом пути Пресвятая Матерь Богородица. Аминь.

Он, будто прорицатель, увидел будущий тернистый путь княжны. Кроме Елены, слов митрополита Зосимы никто не услышал. Она же поняла их значение как предупреждение о том, что ей нужно готовить себя к тяжелой подвижнической жизни.

После свершения обряда обручения, когда Елена стала невестой великого князя Литвы, было назначено время приезда послов за невестой и день свадьбы. Им передали договорные грамоты, одна из которых, о вероисповедании, стала камнем преткновения на всю жизнь великой княгини литовской. Потом состоялось торжественное застолье-пированье. Послам вручили богатые дары: меха, шубы, серебро и золото. Отдохнув денек от обильных трапез, избавившись от хмельного угара, литовские послы покинули Москву.

Когда схлынула гостевая суeta, в кремлевских палатах наступила размеренная, наполненная повседневными заботами жизнь. Православная Русь готовилась к празднованию Рождества Христова. Страсти, однако, бушевали подспудно.

Как-то уже после вечерней молитвы Елена пришла в опочивальню Софьи Фоминишны и поделилась с ней своей душевной маетой. Ласкаясь к матери, которая сидела возле дышавшей теплом муравленой печи, Елена излила свою душевную печаль:

– Матушка, сердешная, выслушай меня и помоги избавиться от тяжких дум, кои гнут к земле. Вот отдаете вы меня замуж за князя литовского, я не ропщу на то. Но как мне быть в другом, как убрать из-под ног пропасть разности вер? Ведь он католик, а я православная. Как нам помолиться вместе?

Софья Фоминишна, уже утратившая прелесть молодых лет, пополневшая телом и лицом, но обладающая умными, проницательными глазами, понимающая больше, чем кто-либо иной в Москве, что такое католичество, потому как долгие годы жила в католическом Риме, не знала, как утешить любимую дочь.

– Ах, доченька, ах, милая, не могу я тебе дать совет, супротивный воле батюшки. И ты знаешь почему. И прошу тебя простить свою мать за то, – тяжело вздыхая, пооткровенничала великая княгиня.

В ее отношениях с великим князем, некогда любимым ею человеком, тоже медленно и неуклонно разверзалась пропасть. Причиной тому было, как казалось Софье Фоминишне, нечто более непримиримое, чем католичество и православие. Был у Ивана Васильевича от первого брака с тверской княжной Марией Борисовной старший сын Иван Молодой, прямой наследник престола. Но четыре года назад он неожиданно скончался. От Ивана Молодого остался сын Дмитрий. И надо же быть такому, что Иван Васильевич полюбил своего внука пуще, чем сына Василия, который был первенцем у Софьи, подарившей государю пятерых сыновей и четырех дочерей. Порой ей казалось, что он вовсе не считает его сыном. И хотя Василий был старше Дмитрия на четыре года, Иван Васильевич твердо стоял на том, что Василию не быть государем всея Руси, и дал понять Софье, что престол предназначен любимому внуку Дмитрию. По нраву Софья никогда не была послушной овечкой и многожды упрекала супруга:

– Ты, мой государь, нарушаешь тем деянием лествичное¹⁴ право. За тобою идти к престолу нашему старшему сыну, великому княжичу Василию Ивановичу.

Видела Софья в такие минуты, как гневом опалялось лицо ее державного супруга. Но он чаще всего сдерживался, не выплескивал свою ярость на дерзающую посягнуть на его волю. Знала, однако, Софья, что в конце концов ее упреки обернутся ей опалой, и сейчас, выслушав печаль-тревогу дочери, она не представляла, как ей поступить. Ведала она лишь то, что Иван Васильевич не изменит своего повеления – оставаться дочери в православии при муже любого вероисповедания, и потому сказала Елене то, что не давало повода самодержцу сжечь ее опалой за новое супротивничество:

– Дочь любимая, тебя жалею по-матерински, но вкупе с твоим батюшкой. Все мы, державные володетели, живем не ради себя, но для народа. Не тебя мне учить, ты знаешь, что Литовское княжество сшито из трех лоскутов и два из них россиян и малороссов укрывают. Кто из чужих за них порадует, кто поддержит в вере православной, ежели не ты, великая княгиня, когда вдруг силой потянут православных христиан в латинство? Нет ноне в Литве достойных защищать россиян от насилия. Вот и подумай.

Княжна Елена не поспешила возразить матери, да и проку в том не увидела. Сказала матери утихо и отрешенно:

– Не переживай, матушка. Я уже скоро отрезанным ломтем буду.

– Как это так – «отрезанным ломтем»? – рассердилась Софья Фоминишна. – Мы выдаем тебя замуж не для того, чтобы из сердца изгнать.

Однако Елена знала, что, уж если матушка вкупе с отцом что задумали-решили, тут хоть ревом реви, а не разжалобишь. Знала и то, что Софья Фоминишна бывала порой жестоко-сердной, и не было сомнений у Елены в том, что сие жестокосердие наследственное. Ведь она родилась от брата двух византийских императоров Палеологов, от морейского деспота Фомы Палеолога. За какие жестокости получил ее дед столь нелестное прозвище, Елена и пыталась узнать, но в душе у нее каждый раз появлялась горечь от сознания того, что и в ней пребывает деспотическая кровь.

Поклонившись матушке, княжна покинула опочивальню, а придя в свой терем, упала на скамью и зарыдала. Елена до предела поняла причину душевного надлома. Да, произошло обручение, и она уже невеста. Но ведь выдают-то ее не за желанного, по коему сердце томится, а за человека, которого и в глаза не видела и который, возможно, не меньший деспот, чем ее дед Фома. Ведь может случиться так, что, сохранив себя в православной вере, она найдет в ней защиту от поругания, от нелюбви к супругу, ежели это нелюбие прорастет в ней. Она обретет опору в православии, чтобы жить по законам своих предков. С другой стороны, как устоять ей в родной вере, ежели сам супруг и весь его великокняжеский двор – иноверцы? Они

¹⁴ *Лествичное* – лестничное; здесь право на престолонаследие согласно лестнице – по родству, старшинству и т. д.

тоже будут ее подданными. А дети? Как их воспитывать? В какую веру вводить? Православной матушке Софье легко. Ее детей принимали православные повитухи, их крестили в ту же веру, что и все окружение великого князя. А как ей быть, ежели супруг не пожелает – да уж точно не пожелает – ввести ее дитя в православие, потому как оно, дитя, принадлежит и отцу в равной степени, а может быть, и в большей мере? Куда же ей, бедной, приклонить голову?

Мучения княжны Елены были долгими, гнетущими. Однако она поняла, что, сколько бы себя ни терзала, легче ей не будет и, пожалуй, разумнее всего хотя бы на время избавиться от горьких мыслей, забыть, в какую пучину вверглась ее жизнь волею судьбы. Елена позвала свою неизменную Палашу и велела собираться гулять.

– Пойдем-ка мы с тобой, голубушка, посмотрим, что приросло в Кремле, в храмы зайдем, помолимся.

– Вот и славно будет, матушка-княжна. Разве что рынд¹⁵ надо взять с собой, – отозвалась предусмотрительная Палаша.

Той порой батюшка княжны Елены тоже не сидел сложа руки. В марте девяносто четвертого года он снарядил в Литву посольство. Ехали лучшие и надежные люди во главе с князем Семеном Ряполовским. Даже дьяка Федора Курицына, который в это время только от болезней отмаялся, Иван Васильевич отправил для пущей важности. И было наказано послам присутствовать при крестном целовании договорной грамоты великим князем Александром. Сами послы думали, что едут в Вильно на прогулку. Ни у Ряполовского, ни у Курицына и в мыслях не было опасений, что посольство потерпит неудачу.

Послов встречали в Вильно как желанных гостей. В Нижнем дворце у Замковой горы два дня шумело-гудело многолюдное пированье. Русские послы подносили Александру богатые подарки от государя всея Руси и будущего тестя. Литовский великий князь тоже одарил московских послов кое-чем по достатку. И все шло хорошо, как и ожидали послы. Им понравился будущий зять Ивана Васильевича: богатырь, ловок, статен. Глядя на его красивое лицо, князь Семен говорил дьяку Федору:

– Ишь какой лепотой одарил Всевышний будущего семеюшку княжны Елены.

– То так, красив, как рождественский пряник, – отозвался дьяк Курицын. – Токмо матушке Елене с его лица воду не пить, а как поглубже заглянешь, так и огрехи душевные видны. Да и кремня в нем не вижу. Видел, как он хмельное пил, ну как есть гуляющий зимогор с Ходынки.

– Тут ты перебрал, думный! Да тебе и кремень сразу подай, – взялся защищать Ряполовский великого князя.

А «кремень» Александру был нужен. Вокруг него толпой увивались паны-вельможи. Он со всеми поднимал кубок с хмельным, пил легко, лихо, и вельможи без особого почтения и вольно говорили ему, как равному, все, что взбредет в хмельную голову. Он со всеми соглашался, улыбался беспечно. Лишь изредка он хмурил брови, отмахивался от панов, но вдруг хлопал по плечу какого-либо гетмана или маршалка и милостиво одаривал его улыбкой. Все это дотошный дьяк Федор отметил и закруглил свой разговор с князем Семеном Ряполовским настораживающим выводом:

– Нас с тобой, боярин, многие каверзы ожидают, и придется держать глаз и ухо остро.

– В воду, что ли, поглядел, досужий? – удивился Ряполовский.

– Чти, как мыслишь, – отозвался Курицын.

В своем предсказании дьяк Федор не ошибся. Уже на другой день после торжественного обеда маршалок Станислав Глебович вручил князю Ряполовскому договорную грамоту. Поначалу князь Семен, прочитав ее, не увидел изъяна.

¹⁵ *Рында* – великокняжеский и царский телохранитель-оруженосец в Русском государстве XIV–XVII вв.

– Все тут при грамоте: вот печать, вот подпись – все, как положено. А ты говорил – каверзы... – заметил он дяку Федору. – Наконец-то вижу праведную грамоту, – и передал ее Курицыну.

Дьяк Федор начал читать ее медленно и прилежно, вдумываясь в каждую строчку и в смысл, что крылся за нею. И быть бы послам в позоре и в немилости от государя, если бы не дотошность Федора. Он нашел-таки коварную ловушку, которую приготовили добродееи великого князя Александра, о которой он сам, поди, не ведал.

– Экая оказия, ты посмотри-ка, боярин Семен! – воскликнул Федор. – И как это в нашей грамоте очутилась сия замечательная строчка: «Принуждать к переходу в римский закон великий князь Александр не будет, но княжна вольна перейти по своей воле»? Вот оно где, коварство литвинов, боярин Семен! Никому не дано раскрыть его, ежели и мы с тобой, как мыши, войдем в Ягеллонову мышеловку, – четко и твердо сказал дьяк Курицын князю Ряполовскому.

– То верно, мудрая твоя голова. Ой как не полюбится такая оговорка Ивану свет Васильевичу! – распалялся князь Семен.

Маршалок Глебович почтительно стоял рядом. Ему не нужен был толмач, он хорошо понимал русскую речь и теперь переживал из-за того, что хитрость государя Александра и его вельмож стала явной и понятной москвитам. Он с холодком в душе ждал, какой оборот примет теперь раскрытый обман.

– Ты, пан маршалок Станислав, иди к своему князю и отдай сию грамоту. Его целование и клятва ложные, – сурово объявил князь Ряполовский и, смяв бумагу, вручил ее Глебовичу.

Гнев князя Семена был явный, и Станислав испугался. Он понял, что русские послы ни под каким видом не повезут в Москву эту целовальную грамоту. Но и паны рады не захотят уступить и потерять возможность обратить будущую великую княгиню в католичество. «Матка боска, нашла-таки коса на камень!» – воскликнул в душе маршалок и покорно взял грамоту. При этом он, однако, сказал:

– Вы, панове московиты, не сомневайтесь. Его величество государь Александр Казимирович исправит погрешность. Вы только наберитесь терпения.

Но зависимость литовского великого князя от панов рады была уже ведома русским послам, и они не надеялись на скорое исправление целовальной грамоты. Потому князь Ряполовский, поразмыслив, откровенно заявил:

– Нам нет нужды протирать у вас штаны, маршалок. Как исправите грамоту, так везите ее в стольную Москву. Так ли я говорю, Федяша? – спросил князь дьяка Курицына.

– Истинно так, – ответил тот. – И чем скорее мы уедем, княже, тем для нас лучше.

Вскоре русское посольство в полном согласии с князем Ряполовским и дьяком Курицыным покинуло Вильно. Началось противостояние.

Иван Васильевич похвалил послов за прозорливость и повелел своим воеводам блюсти порядок на рубежах с Литвой, строго наказывать тех, кто нарушит порубежный устав. Государь больше не называл Александра своим зятем, а когда вспоминал о нем, то гневался: не мог простить ему коварства. Противостояние продолжалось с апреля и длилось все лето, почти всю осень. Лишь в ноябре паны рады поняли, что их хитрость потерпела неудачу, что решение государя всея Руси получить грамоту по своему образцу твердое, и дали Александру «добро» на отправку в Москву посольства с новой грамотой. И вновь в кремлевских палатах появились знакомые лица панов во главе с Яном Заберезинским. Во время первой же встречи с придворным князем Василием Ромодановским Ян Заберезинский наивно сказал:

– Наш государь думал, не полюбится ли государю всея Руси прибавленная строчка.

На что князь Ромодановский ответил без обиняков:

– Не полюбилась уже, панове, и, коль вы не привезли истинную целовальную грамоту, скатертью вам дорога в Вильно.

Литовские паны стухнули: не хотелось им снова мерить версты туда и обратно. Между ними завязался жаркий спор, и маршалок Станислав Глебович предупредил Яна Заберезинского:

– Ты, вельможный пан, не играй больше в неверные игры, исполни волю великого князя нашего, не то одному придется мчать в Вильно за грамотой.

Заберезинский тоже понял, что дальше водить за нос московитов опасно, что все благое задуманное можно порушить одним махом, и сказал князю Василию Ромодановскому:

– Один я виноват в сей промашке с прибавленной строкой и прошу тебя, ясновельможный князь, скажи государю всея Руси, что мы привезли исправленную по его желанию договорную грамоту. Сами и вручим ее. Милости попросим, дабы опалой нас не обжег.

– Что ж, покаяние ваше кстати. Государь ждал его. Вот пойду и доложу, – ответил князь Василий и отправился к великому князю.

Вернулся он скоро и пригласил послов в тронную залу. Туда же пришли Иван Васильевич, Софья Фоминишна и Елена. Получив грамоту от Яна Заберезинского и прочитав ее, Иван Васильевич сказал:

– Мы довольны нашим зятем Александром. Передайте ему, чтобы слал кого-либо из вас за невестой после Рождества Христова. А мы тут приданое ей приготовим, все путем...

Прекрасная Елена стояла за спиной своего отца, и в ее лице не было ни кровинки. Дьяк Федор Курицын смотрел на нее с жалостью и думал: «Эко она, сердешная, мается. Ведь краше в гроб кладут».

Глава восьмая

В Литву на тернии

Минувший девяносто четвертый год пятнадцатого столетия в жизни княжны Елены был самым тяжким из прожитых восемнадцати лет. Она не показывала виду, что страдает. Всегда спокойная, иногда на людях веселая, заводная с подругами и сестрами или в меру печальная, грустная, когда мельком увидит князя Илью Ромодановского. После похищения Елены, где он оказался ее спасителем, государь отстранил-таки князя от служения великой княжне. Они страдали от разлуки, но не в силах были что-то изменить. Долгие месяцы сватовства и переживаний, какие принесло это сватовство, как-то приглушили в груди Елены боль первой девичьей любви. Зная, что их разлука неминуема, Елена почти равнодушно приняла весть о том, что Илье тоже засватана невеста из княжеского дома Шуйских. Посетовала Палаше, родной душе, на весть о сватовстве шуткой:

– И как меня угораздило родиться в великокняжеской опочивальне!

Палаша тоже отшутилась и с горечью в голосе сказала:

– Да и в боярских теремах нам, девицам, краше не бывает.

– Коль так, примем ненастье за ведрышко, – засмеялась Елена.

Княжна еще шутила, а тревога за завтрашний день в ее душе разрасталась все шире. Суэта вокруг ценовальной грамоты, длившаяся более полугода, зловещими всполохами все еще маячила на окоме. Елена пыталась осмыслить затянувшуюся борьбу вокруг ее вероисповедания. Временами ей казалось, что идет торг, какая из сторон получит больше влияния на ее душу. В этом торге, по мнению Елены, обе стороны были по-своему правы. Литовцы хотели видеть в будущей великой княгине приверженность к католической церкви: чтобы в храм она ходила вместе с великим князем, чтобы паны рады не чурались великокняжеской семьи и служили едино литовскому народу. Никак нельзя было отрицать справедливость их притязаний на удобное им вероисповедание своей будущей государыни. И Елена не осуждала ни Александра, ни его послов, которые вкуче искали путь, каким могли бы увести Елену в лоно католичества.

У отца Елены, государя всея Руси, как ей казалось временами, правда была значимее, выше. Он не хотел, чтобы его дочь предала веру предков, веру рода, твердо стоявшего за православие со времен Владимира Святого, крестителя Руси. Елена соглашалась с отцом. Но в православии она видела не только вековое постоянство россиян, но и то, что сама вера православная была чище, возвышеннее и милосерднее католической. Православие по-иному наполняло благовоспитанность души христиан, нежели католичество. Может быть, думала Елена, и отец о том знал, однако у него было еще желание удержать дочь в православии для державной цели. Он считал, что православная великая княгиня – опора в чаяниях всех православных христиан, оказавшихся временно под пятой литовского владычества. Россиянам легче будет выстоять перед постоянным посягательством католических ксендзов, приоров и всех других священнослужителей на их духовную свободу, если будут знать, что они под крылом православной государыни. В этом и сама Елена видела большой резон. Осознавать, что за спиной две трети населения Литовского княжества – твои преданные россияне, – это твердь, на которую всегда можно опереться.

И все-таки Елену посещали крамольные мысли. Иной раз она искала в себе силы противостать батюшке ради своего благополучного супружества и чтобы не быть в Литве государевой заложницей. Ведь великий князь Александр мог поступить с супругой-иноверкой как ему заблагорассудится или, вернее, как заставят его поступить всемогущие и жестокосердные паны рады. Однажды своими крамольными мыслями Елена поделилась с думным дьяком Федором Курицыным. Это случилось как раз в те дни, когда литовские послы привезли исправленную

целовальную грамоту. Однако мудрый дьяк ничем не сумел утешить юную княжну. Больше того, оба они попали в неловкое положение. За беседой их застала Софья Фоминишна. Дьяк Федор счел за лучшее посвятить великую княгиню в суть его беседы с Еленой, дабы она не приняла их разговор за сговор.

– Мы, матушка-государыня, исповедуем друг друга. Близок час разлуки, и надо к тому подготовиться, – сказал дьяк Федор.

– Исповедуйтесь, это всегда очищает душу, – ответила Софья Фоминишна. И, присев в византийское кресло, сама повела речь: – Только я и без исповеди моей дочери давно знаю о ее душевном смятении. Я понимаю ее, родимую. Ее страдания разрывают мне сердце. Но Богу угодно, чтобы она несла крест смирения и послушания, ибо государь всея Руси прав. Он не ради своей прихоти желает сохранить будущую великую княгиню в православии.

– Хватит ли моих сил, матушка?! – вмешалась Елена. – Какая тяжесть упадет на мои плечи...

– Пребывай в молитве, и Господь Бог укрепит твой дух. И разумом одолевай сердечную маету. Ты умна, тебе сие посильно.

Елена посмотрела на дьяка Федора, словно ища у него поддержки, и отважилась сказать матери супротивное:

– Но ведь может и так случиться, матушка, что у меня не будет никакой возможности сохранить себя в православии. Ведь ежели случится...

Княжна осеклась, увидев в глазах матери вспышку гнева.

– Забудь о «ежели» и о «все-таки», – жестко произнесла Софья Фоминишна. – И ты, Федор, не потакай ей и слушать ее запрети себе. Знаете же, что государь может быть и милосерден и жесток даже со своими близкими. У него хватит норова наказать любимую дочь, ежели она встанет ему встречь. Да вы же помните, как он остудил головы своих младших братьев, когда они отважились пойти ему наперекор. – Софья Фоминишна расслабилась, уселась поудобнее в кресле и уже мягким голосом повела речь о былом: – В ту пору тебе, Елена, было три годика, когда братья батюшки Андрей и Борис побудили новгородцев пойти в заговор против него. Да ежели бы справедливо шли, а то ведь искание твоих дядьев было на руку лишь новгородской вольнице. Даже сам архиепископ Феофил встал во главе заговора. Он отправил гонцов к польскому королю Казимиру, дабы договориться вместе с новгородцами укоротить власть Ивана Васильевича. И его братья с новгородцами надеялись на то же. Думали они добиться того, чтобы их старший брат не ширил пределы своего Московского княжества. В ту пору он как раз взял под свое крыло Дмитровский удел умершего брата Юрия и не поделился с братьями присоединенной к Московскому княжеству землей. Они же требовали того.

– А верно ли поступил батюшка, по совести ли? – спросила Елена.

– Он поступил по византийскому закону, коими и Русь живет со времен Олеговых. У нас императоры никогда не делили свою державу с братьями и сыновьями, но давали им достойную почестей службу. Каждому свое. А Борис с Андреем хотели, чтобы Иван Васильевич делил все приобретенные земли не только с ними, но и со всеми удельными князьями.

– И что же батюшка?

– О судьбе его братьев лучше спроси у дьяка Федора.

Тот отозвался молча, лишь покивал головой.

– А новгородцы были жестоко наказаны, – продолжала Софья Фоминишна. – Батюшка вершил дело решительно. По первым же морозам он с тысячей воинов выступил в Новгород. Горожане не вняли увещаниям великого князя, закрыли ворота, спрятались за городскими стенами и не выдали заговорщиков. Дождавшись главную рать, батюшка велел палить по Новгороду из всех пушек. Две недели днем и ночью летели в него ядра. Там взялись пожары, гибли люди. Житние, черные горожане взволновались и вынудили заговорщиков отдать себя на всю государеву волю. Милосердия Иван Васильевич не проявил. Грозный государев розыск

длился два месяца. А как пришел конец ему, так сотня главных извратников была предана казни. Феофила привезли в Москву и заточили в Чудов монастырь. Там он и преставился. Тем бы и надо кончить розыск, но гнев батюшки не угас. Еще пятнадцать тысяч боярских и купеческих семей он выселил из Новгорода без имущества и тягла и расселил по пустынным землям. В монастырь тысячи постриг, самих заставил обители возводить. Ты в одной из них побывала.

– Ой, страху натерпелась, – отозвалась Елена.

– Вот и подумай, идти ли тебе встречь родимому батюшке, – тихо завершила свой рассказ великая княгиня.

– Ведь за рубежом отчей державы буду, – с угасающей надеждой ответила княжна.

– Верно, за рубежом. Да та препона не помеха великому государю, достанет и в Вильно, и в Риме. Господи, любимая доченька, покорись батюшке, обрети мужество противостоять латинянам! – воскликнула Софья Фоминишна со слезами на глазах и добавила: – Держава почитит тебя за сию жертву.

Елена подошла к матери, приникла к ней.

– Матушка, успокойся. Я во всем вняла твоим советам и смирюсь с неизбежным. А даст Господь сил, так и за Русь стоять буду.

– Вот и славно. Ублажила ты мое сердце, доченька. Да держи голову выше не от гордыни, а от достоинства. Ты всегда будешь дочерью великой Руси.

Эта беседа с матушкой в присутствии дядка Федора слово в слово была памятна Елене долгие годы, и, случалось, она перебирала ее, будто зерна жизни. Она прорастала в душе, и уходили горечь и боль, безысходность и покорность. И приходили облегчение, жажда жизни и борьбы. Особенно это проявлялось тогда, когда от боли некуда было деться и когда, оставаясь вдвоем с Палашей, Елена становилась на молитву. Она молилась Михаилу Архангелу, защитнику всех православных христиан, и он, ясноликий, мужественный архистратиг, вносил в ее душу умиротворение и покой, вселял в нее уверенность в том, что она выстоит в борьбе и с честью пройдет свой тернистый путь.

Однако молитва спасала не всегда. Бывало, что по ночам к ней приходили кошмарные сны, со зловещими вещаниями. Ей снились мерзкие чудовища, или ее приводили на шабаш нечистой силы и там, распластав на колоде, доставали из материнского лона дитя. Она кричала, пытаясь дотянуться до розового тельца ребенка, и с криком просыпалась. По утрам она выходила к трапезе пасмурная, болезненная. Отец и мать смотрели на нее с тревогой. Иван Васильевич догадывался, что гнетет дочь, но ни ласковым взглядом, ни словом не разрушал пелену отчужденности Елены. Он лучше, чем кто-либо другой, знал, какая борьба ждет ее впереди, среди чуждых ей вельмож-панов. Перед полуденной трапезой Иван Васильевич вел свою большую семью на литургию в Успенский собор, а там, после окончания богослужения, уводил Елену в ризницу, поручал ее священнослужителям, не то и самому митрополиту Симеону для вразумления.

Митрополит Симеон, еще моложавый и крепкий, с умными карими глазами, знал, чего хотел от него великий князь, и увещевал княжну примерами стояния за веру многих славных россиян, вспоминал королеву Франции Анну, дочь Ярослава Мудрого, которая оставалась в православии, будучи единой среди католиков королевского двора. «Церковь чтит ее и поныне, как радетьельницу за православие и мироносицу королевства Франции», – мягким голосом говорил митрополит Симеон.

Он вспоминал сказания летописей и патериков о княгине Анне Романовой, жене князя Галицко-Волынского княжества Романа Мстиславовича.

– А еще ведать тебе нужно, дочь Ивановна, и о подвиге Елены Ростиславовны. Стоя во главе Краковского стола и будучи женой Казимира Справедливого, она не предала веру отцов православных.

– Я постараюсь запомнить твои увещевания, святой отец. Спасибо, что облегчил мое бремя примерами стояния достославных россиянок за веру предков, – покорно отвечала княжна Елена.

Конечно, митрополит Симеон знал и обратные примеры. У королей и королевичей польской династии Пястов были жены-россиянки, которые принимали католичество. Мария Святотопковна, жена Болеслава Кривоустого, приняла католическую веру, но осталась истинной россиянкой. Связи с Русью, которыми муж Марии пользовался благодаря ей, были так прочны, что на Руси Болеслава считали русским князем. Но об этом митрополит Симеон не рассказывал княжне Елене, остерегаясь дополнить сумятицу, царящую в душе будущей великой княгини Литовского княжества.

И пришел день, когда святые отцы добились своего. Елена дала на исповеди слово митрополиту Симеону, что, как бы ни сложилась ее судьба в Литве, она исполнит волю государя всея Руси и останется в греческом законе до исхода дней своих. Труднее было привыкнуть к наказу отца: «И хотя будет тебе, дочка, про то и до крови пострадать, и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила». Однако и с этим она смирилась и приняла его как должное.

– Я ко всему готова, батюшка. Ты и святые отцы укрепили мой дух. Я ничем не огорчу тебя, родимый, – молвила Елена отцу во время их последней беседы.

Приблизился день расставания с родной землей. Что-то подсказывало Елене, что она разлучается со всем окружающим ее с детства навеки. В стольном граде готовились к празднику Крещения Господня, а Елена в эти дни думала уже о своих последних светлых днях в Москве. Она видела себя в святочные дни на Москве-реке, на Неглинке, где резвилась вместе с потешными, она каталась с гор с сестрами и братьями, советовала им, как позадорнее устроить игрища. Вскоре, однако, все задуманное порушилось. На второй день Крещения, в самый разгар праздника, под несмолкаемые звоны колоколов в Москве появилось великое посольство литовское. Прибыли три пана-наместника: виленский, полоцкий, бреславльский, – с ними некий лях с Волыни, Георгий, и два брата-половчанина – Корсаковичи. Главой над ними, как и в прежние годы, был Ян Заберезинский. В тот же день послы пришли в кремлевские палаты бить челом государю всея Руси Ивану Васильевичу, дабы получить от него благословение увезти невесту Александра в Вильно.

Иван Васильевич не был расположен к спешке, тем более в торжественные дни празднования Крещения Господня.

– Некстати они явились. Свое Рождество отгуляли, а на Русь прикатали под ногами мешаться в светлый праздник, – сказал сердито государь боярину Василию Патрикееву.

– А ты, батюшка, заставь их помолиться в наших соборах и по православному обычаю. То-то будет им что вспомнить о православии.

– И ты думаешь, что они исполнят нашу волю? – с хитринкой посмотрел на боярина государь.

– Как могут отказаться! За милую душу помолятся, – улыбнувшись, ответил Василий Патрикеев.

И государю захотелось повелиться, показать послам великолепие русских церковных торжеств, ненароком заставить-таки их помолиться. Бог един, счел государь, и урона чести послам не будет, как почувствуют благость обрядов, сами потянутся к православию. Не сомневаясь в своей правоте, Иван Васильевич поручил Василию Патрикееву от его имени пригласить послов на богослужение в Успенский собор. Вначале они запротестовали: дескать, это нарушение канонов католичества, – но боярин был человеком себе на уме и нашел лазейку к душам послов. Он сказал Яну Заберезинскому:

– Как побываете в главном соборе державы, отстоите службу да помолитесь, так от церкви и от государя-батюшки ждут вас богатые дары. Так уж заведено на Руси, – прибавил для красного словца боярин.

Как уговаривал Ян Заберезинский послов, Василий Патрикеев не ведал, но на другое утро они пришли в Успенский собор в полном сборе, отстояли службу молча и зачарованно. Да и было отчего: послов поразила торжественность богослужения, великолепие храмового убранства и единение душ прихожан и священнослужителей. Пел и молился в храме русский народ.

По мнению Ивана Васильевича, Святое Богоявление, Крещение Господа Бога, не только вносило в души православных христиан благолепие, но и возносило их дух. Сам государь не стыдился слез и плакал от умиления, когда на утрени волшебный хор Успенского собора пел: «Величаем Тя, живодавче Христе, нас ради ноне плотью крестившегося от Иоанна в водах иорданских». В торжественном пении великий князь слышал и глас Иоанна Предтечи. Он звучал ясно, слова словно сходили с губ у самого уха государя: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем; я не знал Его, но Пославший меня крестить в воде сказал мне: „На кого увидишь Духа, сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым“; и я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий».

К удивлению своему, все это слышала и княжна Елена. Она не знала, кто сказал ей: «Бог Отец свидетельствовал, возглашая: „Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение“», – но всему сказанному Елена поверила. На сердце у нее стало благодатно, спокойно, она была готова к любым жизненным невзгодам и испытаниям. «Господь Бог страдал, и я пострадаю», – промолвила она в душе и принялась истово молиться.

Миновал день после празднества Богоявления, и Иван Васильевич назначил литовским послам час торжественного приема. Были приглашены многие вельможи. Собрались на приемлюдно. В Столовой палате было тесно. Ян Заберезинский вручил государю всея Руси верительную грамоту и произнес краткую речь, в которой изложил просьбу великого князя Литвы Александра отпустить его невесту в Вильно.

– А вот выкуп тебе, великий государь, и твоим близким, – заявил Заберезинский и распорядился внести в палату дары.

Тут были алые и голубые ганзейские сукна, меч и броня со щитом из Ливонского ордена, добытые литовцами в сечах, разные ларцы красного и черного дерева из Палестины.

Иван Васильевич принял дары благосклонно, лишь при виде последних двух даров помрачнел лицом и даже отступил от них, словно боялся оскверниться. А Заберезинский, который преподнес дары, смотрел на них с завистью. Много отдал бы он, чтобы завладеть ими. Он держал в руках портрет Папы Римского Александра VI и католическое Евангелие в золотой оправе по бордовой коже переплета. Великий князь, однако, погасил в себе раздражение, но не поблагодарил посла и строго спросил:

– Зачем привез в мою державу неуютное мне и нашей православной церкви?

Заберезинский не растерялся, у него был приготовлен ответ:

– Великий государь всея Руси, мы выполнили твою просьбу и с честью отстояли две службы в вашем соборе. Уважь и ты нашу веру. Когда уезжали в Москву, прибыл в Вильно папский легат. Он и передал нам эти дары для тебя от понтифика вселенской церкви Папы Римского Александра. Было сказано при том Папой, что он высоко чтит царя русов и твою супругу Софью Фоминишну, которую он знал девочкой. Он желает вам здравия и надеется на ваше благорасположение.

– Хорошо сказано главою Римской церкви. Я принимаю дары и пошлю ему свои при первой же оказии.

Иван Васильевич прикоснулся к портрету и посветлел лицом, когда увидел, с каким искусством исполнен образ понтифика западной церкви. Великому князю было трудно отвести взор от живых, умных и проницательных карих глаз, от лица, выражающего благородство.

– Иконописен, – тихо молвил Иван Васильевич и спросил: – Какой муж писал сей лик?

– Сказано было, что портрет написан мастером Леонардо да Винчи. Сам Папа Римский испанец из графского рода Борджиа, Родриго де Борха из Хатины, что близ Валенсии. Он достоин кисти великого художника, каким чтут в Риме Леонардо да Винчи.

Государь слышал о великом мастере от Софьи Фоминишны и не счел нужным отказаться от дара, исполненного рукой волшебника. Иван Васильевич высоко ценил итальянских архитекторов, ваятелей, художников. Многие из них до сих пор работали при его дворе. Великий князь свято хранил память о покойном Аристотеле Фиораванти, воздвигнувшем Успенский собор. Он посмотрел на своих бояр, увидел уже постаревшего Семена Толбузина, который дважды ходил в Италию за мастерами высоких ремесел, и позвал его:

– Тебе, Семен, лучше знать, куда поместить сей дар. Распорядись да покажешь потом.

– Исполню, государь-батюшка. А место ему и Евангелию, по моему разумению, в Грановитой палате, – с поклоном произнес боярин.

Осмотрев еще раз дары литовцев, государь спросил Забerezинского:

– Чем я могу одарить моего зятя Александра за эти дары?

Ян поклонился, но сразу не ответил, повернулся лицом к своим спутникам. Они тихо о чем-то поговорили, и от имени послов Забerezинский сказал:

– Дары эти требуют единственно великой приязни государя всея Руси к литовскому князю.

«Никак не ожидал этого», – подумал Иван Васильевич и спросил:

– Какой приязни? Говори без загадок.

– Наш великий князь просит твою царскую милость быть ему вторым отцом, – ответил Ян Забerezинский.

«Не много ли чести?» – мелькнуло у государя, и он воздержался от какого-либо обещания.

– То дело оставим до утра, а теперь прошу веселиться в палатах наших.

С этими словами Иван Васильевич встал с трона и, поручив Семену Ряполовскому угощение и развлечение послов, удалился с Софьей Фоминишной и Еленой в свои покои.

На следующий день, прежде чем завершить свадебный сговор, Иван Васильевич велел боярину Василию Патрикееву вновь пригласить литовских послов в храм, а когда они пришли в согласие, повел их в Благовещенский собор на обедню. «Вот вы мне Евангелие и лик своего святителя, а я вам мое любимое детище и благолепие Божественной литургии, – посмеиваясь в душе, думал государь. – Да, может, и отпадете от своей веры, коль души вам пронзит православное слово».

Как и в первый раз, паны стояли в храме чинно и ничем не нарушали торжественный обряд богослужения, но не крестились и лишь все до единого любовались новым русским храмом, его убранством. Там же, в соборе, после литургии, Иван Васильевич сказал послам:

– Видели вы воочию благолепие нашего радения Господу Богу. Потому передайте зятю нашему Александру, дабы построил при своем дворце православную церковь для великой княгини, и тогда быть ему моим названным сыном. Серебра и злата на воздвижение храма я не пожалею и мастеров своих пришлю.

Послы переглянулись и дружно промолчали. Направляясь к выходу из храма, Ян Забerezинский подумал: «Не отдаст из православия великий князь свою дочь. Что делать?» – и уже на паперти коротко поговорил со своими послами. Те сказали, что надо согласиться с Иваном Васильевичем. Когда он вышел из собора, за всех ответил маршалок Станислав Глебович:

– Мы в согласии с тобой, государь всея Руси. Мы поможем великому князю Александру построить храм и своего капитала вложим на его возведение и благоустройство.

– Спасибо, панове послы. Вы разумны, как я и ожидал, – ответил Иван Васильевич и повел свое большое семейство во дворец.

В тот же день в царских палатах был большой званый обед, и на нем дьяк Федор Курицын по поручению государя объявил о дне отъезда из Москвы княжны Елены в Вильно. Еще он пояснил послам, каким должен быть чин венчания молодых:

– Желательно государю всея Руси, чтобы великого князя литовского венчал епископ.

– То в законе нашей веры, и будет он венчан в католическом храме, – ответил Ян Забerezинский.

– А великую княгиню должен венчать владыка Смоленский Иосиф в православном храме, – продолжал Федор.

У Забerezинского и на это был готов ответ.

– Он уйдет в Вильно из Смоленска вместе с невестой. А в Вильно с великим нетерпением ждет невесту жених, лик которого мне велено нынче передать вам. – Забerezинский обратился к гетману Ляху: – Пан Георгий, подай-ка мне портрет.

Пан подал завернутый в полотно портрет великого князя. Забerezинский развернул его и преподнес Ивану Васильевичу.

– Ты, государь всея Руси, желал видеть лик своего зятя. Вот он, полюбуйся.

Иван Васильевич принял портрет с некоторым волнением. Александр был нарисован весьма красивым: лицо белое, щеки румяные, глаза темно-серые, усы лихие. И хотя это лицо показалось государю лубочным и ничего не говорящим о натуре, он сказал Софье Фоминишне:

– Настоящий литовский король. Что ж, сей лик останется в наших покоях. А тебе, дочь моя, – обратился он к Елене, – пусть живой Александр на всю жизнь милым другом будет. Благословляю тебя.

Послы ударили челом и по очереди поцеловали руку у родителей невесты. Сюрприз с портретом внес некую задушевную струю в торжество и пришелся по душе многим русским вельможам.

– Ишь как славно послы к нам подъехали, – произнес боярин Василий Патрикеев.

Час отъезда Елены был назначен через два дня и приходился на вторник 13 января 1495 года. Начались великие хлопоты-сборы. А в день проводов хозяева и гости встали задолго до рассвета. В Успенском соборе отстояли молебен. По окончании службы великий князь и вся его семья вышли на паперть. А когда архиереи и послы собрались рядом, Иван Васильевич, окинув взором людское море на Соборной площади, торжественно повторил свою прежнюю речь послам. Свидетелями этой речи стали все москвитяне, и они теперь знали о ходе переговоров во время сватовства. Сказал государь горожанам и о том месте великой княгини в Литве, какое она должна занять. В конце он с грустью добавил:

– Ей там будет трудно, вельми трудно: остается она православной среди латинян. Сами посудите, каково ей, дети мои, будет стоять в греческом законе. Помните о том, молитесь за дочь Иоаннову. И я с вами молиться буду.

Торжественность проводов, речь батюшки, государя всея Руси, доброжелательные лица горожан – все это откладывалось в груди и в памяти княжны и, как после скажет Елена, оставило неугасимый свет в душе. Она удивилась, как умел влиять ее отец на умы и чувства людей. Завершив слово, Иван Васильевич вручил дочери список своей речи, который так и не понадобился ему:

– Возьми и храни, ибо сие когда-нибудь сослужит тебе.

Елена приняла список и поцеловала руку отца. И он ее поцеловал. Потом княжна обняла мать, и они долго стояли, прижавшись друг к другу. Пришла очередь проститься с братьями и сестрами, к которым Елена питала нежные чувства. Она поклонилась москвитянам и всем кремлевским святыням. И вот уже отец с матерью повели ее к просторной тапкане. На глаза Елены навернулись слезы, и, чтобы не разрыдаться, она поспешила скрыться в экипаже, где ее ждали жены главных русских послов: мамка-княгиня Мария Ряполовская, женщина лет

сорока, румянолицая и улыбчатая, боярыня Ефросинья Скуратова, боярская дочь, ровесница Елены Анна Русалка и неизменная спутница отрочества и юности боярская дочь Палаша.

Утерев слезы, Елена выглянула из тапканы и была ошеломлена тем, что перед нею возникло. Она увидела довольного отца, довольных братьев и сестер. Это поразило Елену и больно укололо в сердце. Лишь единственный близкий человек разделял с Еленой печаль разлуки. Это была ее мать, Софья Фоминишна. Она рыдала, повергнутая в неподдельное горе. Ее пытались успокоить, но она отворачивалась от доброжелателей и готова была бежать за тапканой. Провожая дочь, не вспомнила ли Софья Фоминишна свой отъезд из Италии? Но как различны были их судьбы! Мать уезжала от тяжелой римской опеки в православную, единоверную державу, дочь из благочестивого православия – в католическую страну.

В последние мгновения отъезда Елены какая-то неведомая сила повлекла Софью Фоминишну следом за дочерью. Но где ей, отяжелевшей от горя, было успеть за быстрой тапканой! К ней подбежали боярыни, попытались остановить ее, она гневно крикнула на них: «Прочь с дороги!» – и продолжала бежать. Кто-то распорядился подать великой княгине возок. Ее усадили в него, возница ударил коня, и тот помчался следом за поездом княжны Елены. А за возком побежали дочери и сыновья великой княгини, только княжич Василий остался близ отца.

Обряд проводов был нарушен. Иван Васильевич, наблюдая все это, вознегодовал и винил себя за то, что все получилось как-то не по-людски. Он вернулся в храм и велел епископу продолжать молебен. Досада Ивана Васильевича не угасала, она усилилась, когда боярин Василий Патрикеев доложил ему, что Софья Фоминишна догнала тапкану Елены, пересела в нее и повелела дочери остановиться в слободе Дорогомилово. Вместе с Еленой были остановлены послы и все, кто сопровождал княжну, лишь обоз с дворней и тысяча воинов ушли вперед, на Кунцево. Выслушав боярина, великий князь в сердцах и с болью крикнул:

– Господи, что за блажь одурманила государыню!

Софья Фоминишна задержала дочь в слободе на два дня и две ночи и просила у нее за это прощения.

– Ты уж не казни меня, родимая. По живому от сердца тебя отрываю. Никогда не думала, что так опалит мою душу разлука с тобой.

– Матушка, не казись, мы поплачем вместе над моей тяжелой долей, – пыталась утешить Елена мать.

Великая княгиня дала-таки волю слезам и горю, а еще тому, что не смогла высказать в кремлевских палатах. За два дня мать и дочь наговорились вволю, и им стало легче.

– Эти два дня, матушка, я никогда не забуду. Ты мне столько радости подарила!

А на исходе второго дня в Дорогомилово примчал великий князь. Он долго корил Софью Фоминишну за проволочку, а Елену вновь увещевал и давал наказ стоять за православную веру.

– Тебе не должно погасить мои надежды на одоление литвинов в нашем многолетнем споре. И помни, что от твоего радения за Русь мы будем прирастать исконными нашими землями, – сказал он дочери на прощание.

– Я постараюсь, батюшка, я постараюсь, – твердила Елена.

В эти часы, проведенные с отцом, Елена почувствовала, как ее нежные чувства к нему угасают, потому как он упорно добивался того, чтобы ее жизнь на чужбине превратилась в сплошное бремя с недругами, в чей стан посылал ее родитель. Душа подсказывала ей, что она прощается с отцом навсегда. Но приняла Елена это предчувствие как-то отрешенно и спокойно, не предугадывая последствий.

Морозным и тихим, еще сумеречным утром Елена распрощалась с родителями и покинула Дорогомилово. На душе у нее было черно и пусто.

Глава девятая

Дерзкий Илья

Князь Илья Ромодановский после спасения княжны Елены редко появлялся не только в государевых палатах, но и в Кремле. Казалось бы, и повода к тому не было – не показываться среди придворных вельмож, да Иван Васильевич винил-таки его за службу во время пожара. Дал Илья промашку и позволил татям похитить великокняжескую дочь. Но позже государь простил его и даже наградил званием окольного, однако от службы при дворе молодого князя освободил. Илья днями не покидал отцовского подворья, что стояло в конце улицы Варварки. В летнюю пору он часами просиживал на берегу Москвы-реки, смотрел, как текут ее светлые струи, как чайки ловят плотвичек, иногда под вечер купался в теплой, как парное молоко, воде. Было похоже, что он ни о чем не думал, ко всему стал безучастен, живет без интереса к тому, что происходило в окружающем мире, в Москве, в Кремле.

Но так лишь казалось тем, кто видел Илью мельком. В душе молодого князя бушевали страсти, и причиной тому служила боль надвигающейся утраты. Илью все сильнее пожирал огонь полыхающей любви, и он не находил, да и не искал средств погасить сей огонь. Тогда, в час спасения в подземелье Арининского монастыря, княжна обняла его и многожды поцеловала. Он понял, что ее поцелуи были не только знаком благодарности за спасение. В Елене вырвалась на свободу глубоко упрятанная страсть. В тот миг Илья ответил ей тем же. Они оба поняли истинное значение тех поцелуев. А их слова, вылетевшие в тот миг из сердечных глубин, застыли в груди князя, словно вырубленные из камня. Теперь Илья знал, что их сердца горят в одном пламени. Они провели в объятиях друг друга всего минуту-другую, но в это короткое мгновение сердечной близости это откровение в выражении чувств показалось Илье вечностью.

С того дня, когда он, оставив Владимира Гусева в Арининской обители, привез княжну Елену в Кремль и с рук на руки передал ее великому князю, и наступила для Ильи полная тьма. До него доходили слухи, что в Кремль один за другим приезжали иноземные сваты, и вот он узнал об окончательном сговоре отца Елены Ивана Васильевича с литовскими посланцами-сватами. Он узнал, что мужем княжны станет великий князь Литвы Александр. Страсть, казалось, помutila разум Ильи. Он днями и ночами думал о том, как избавить свою возлюбленную от литвина. Он верил, что сама Елена готова с радостью избежать этого супружества. Горячая южная кровь князя Ромодана, потомка византийского сановника по отцовской линии, требовала действий. В бреду дерзновенных мыслей Илья решил покинуть родительский дом и отправиться в Литву, там добиться того, чтобы Александр отказался от Елены. Но в минуты просветления разума Илья понимал, что это безумие, что ему не дано избавиться от соперника. Однако жажда уехать в Литовское княжество в нем не угасла, и он велел своему верному холопу Онисиму собрать его скрытно в дальний путь. Онисима же попутала нечистая сила, и он проговорился своей зазнобе Праксе, которая служила в княжеских покоях. Пракса поведала тайну своей любимой тетушке, которая стояла при княгине Марии ключницей, и тайное стало явным.

Вскоре у Ильи с отцом, князем Василием, произошла жестокая стычка. Горячий нравом и скорый на расправу князь Василий явился в покой сына с плетью в руках. Он держал ее с такой силой, что побелели суставы пальцев. Темно-вишневые, как у сына, глаза метали молнии. Высокий, сухопарый, с орлиным носом, князь Василий был страшен.

– Зачем несешь на мою голову позор?! Зачем тянешь весь род на плаху под топор?! – закричал он с порога. – Какая вражья сила влечет тебя в Литву? Что замыслил там сотворить? Говори! – И старый князь замахнулся плетью.

Илья стоял перед отцом с высоко поднятой головой. Он был готов к тому, что отец учинит над ним расправу. Случилось же это в те дни, когда по его вине украли княжну. Тогда плеть трижды ожгла ему спину. Знал Илья, что одно слово лжи, и плеть вновь достанет его до ребер. На этот раз он не дрогнул и сказал отцу правду:

– Батюшка, казни. Замыслил я неугодное Богу, да не в силах остановить себя. Жизнь мне не в радость!

Илья стоял перед отцом беззащитный и бледный как полотно, и лишь глаза горели мученическим огнем.

«Да он же готов ко всему! И до смерти забей, так не дрогнет!» – мелькнуло у князя Василия, и рука с плетью упала. Однако он с гневом, но без крика спросил:

– Безумец, думал ли ты о нас?

– Прости, батюшка, и о том забыл. Разум мой в тумане. Сколько ни молюсь пред образами, ничто не помогает.

– Воли взял много – вот в чем твоя вина. А как дойдет до великого князя твоя дерзость, считай, всему конец. Знаешь же, что испокон веку государи за это виновных на плаху отправляют. Да с первого шага надо было одуматься, остановиться.

– Не властен я над собою оказался, батюшка. Как во сне пребывал два года.

– А надо властвовать. Тебе ли не ведомо, что у царских детей царские судьбы? А ты кто? Что за тобой? Дашь ли ты державе то, что принесет ей супружество Елены с литовским государем?

– Ведомо мне, батюшка, что не дам. Но напасть свалилась на нас, и мы полюбили друг друга.

– Вот как оженю, так и люби Богом и родителями данную тебе супругу, – продолжал негодовать князь Василий. – Знаю, тебя к Елене влечет одна наша кровь, но и тому государь не будет внимать. Ему боль державы превыше всего.

Однако, сказав это, князь Василий спросил себя: «Превыше ли?»

У князя Василия Ромодановского были основания задавать себе подобный вопрос. Хотя он и стоял сообща с князьями Василием Патрикеевым и Семеном Ряполовским в числе первых бояр-князей возле государя и право сие было приобретено честью, отвагой и мужеством в служении державе, но в последнее время под ногами у них вместо земной тверди оказался речной песок и его вымывало из-под ног этих столпов отечества. Все трое были слишком близки к великой княгине Софье Фоминишне, питались ее умом и знаниями, кои в конце концов и были поставлены им во грех.

Иван Васильевич не замечал этого, да и не хотел замечать в первые годы супружества с Софьей Фоминишной, но сам с каждым годом отдалялся от ревнителей великой княгини. Еще в конце семидесятых годов Иван Васильевич проявил интерес к еретическому течению в православии, использовал еретиков в своих целях. Он напустил их на новгородских иереев, втравил в спор по поводу «учения» еретиков и догматов церкви. Он завел дружбу с вождями ереси, священнослужителями Алексием и Денисом, и в семьдесят девятом году привез их в Москву.

Тогда князья Патрикеев и Ромодановский пытались отторгнуть еретиков от великого князя. Государь не внял радению истинных друзей и продолжал чтить любезных ему Алексея и Дениса, благоволил им. А те под крылом великого и милосердного государя принялись с немалой жадностью обращаться в свою «веру» многих, кто стоял близ Ивана Васильевича. Они вошли в доверие к дьяку Федору Курицыну, к его брату, дьяку Ивану Волку Курицыну. Даже сноха Ивана Васильевича, дочь молдавского господаря Стефана, Елена, была втянута в круг интересов еретиков.

Знал князь Василий Ромодановский, что московские еретики не враги православной церкви: они несли новые «веяния». Ведь один из еретиков, Иван Волк Курицын, составил

сборник истин «Мерило праведное». В него вошла даже Русская Правда Ярослава Мудрого. В сборнике не затрагивались интересы церкви, но возвышалась роль государевой самодержавной власти.

В это же время подвигнул себя на создание мыслительного труда и дьяк Федор Курицын. Он написал «Лаодикийское послание», в котором изложил идеи о самовластии души, о свободе воли, о пробуждении в россиянах жажды к грамотности. Труды братьев Курицыных, казалось князю Василию Ромодановскому, не нарушали уставов православия, но шли им навстречу. Но и он, и князья Патрикеев и Рязполовский, а прежде всего архиереи церкви были против Курицыных и прочих еретиков и осуждали государя за то, что он благоволил им.

Московские архиереи поддержали требование новгородского архиепископа Геннадия, который добивался созыва церковного собора и расправы над еретиками, как это делала католическая церковь, о чем многожды писал митрополиту всея Руси Зосиме. И состоялся собор, где многие священнослужители требовали казни еретиков. Однако государь Иван Васильевич и митрополит Зосима не согласились чинить смертную казнь над еретиками. Князь Ромодановский оказался в числе осудителей государя и владыки. Он считал, что государево милосердие не шло на пользу православной вере и державе.

Прошли годы, но Иван Васильевич не забыл того осуждения его деяний. Теперь князь Василий прикидывал, какая мера наказания ждет его, ежели вдруг порочный замысел его сына станет ведом государю. Думать о том было страшно, и, дабы пресечь какие-либо потуги Ильи, князь Василий дал себе слово в ближайшее время женить его. «Вот и образумится», – решил он. Подойдя к сыну вплотную, взяв его за грудки, князь гневно сказал:

– Дома сиднем сиди, с подворья – ни шагу. Уйдешь – пеняй на себя. Достану, своим судом живота лишу, а там пусть Господь судит за грехи.

Оттолкнув Илью, он ушел. Молодой князь ни словом не обмолвился, не возразил на решение отца заточить его в домашнем тереме. Шли дни, Илья неприкаянно шатался по палатам, по службам. Читать пытался, в мастерские к столярам ходил, сам за инструмент брался, ларец резной надумал сработать. Не враз удалось тонкое ремесло, ан был упорен. Недели через две получился ларец, хотя и не ахти какой большой, но красивый. На дверцах голубь и голубка черноголовые и белобокие были вырезаны. Костромские мастера хвалили: «Лепота, лепота, да смутьянисто».

На Святочной неделе за вечерней трапезой в кругу семьи и близких князь Василий взял в руки серебряный кубок, наполненный вином, и торжественно сказал:

– Матушка-княгиня Мария Власьевна, сыны и дочери мои и все сродники, близок день, когда наш старший сын пойдет к венцу. Невеста ему найдена, и сговор состоялся. Обратного пути нам нет. За то с Божьей помощью и выпьем.

Долгую минуту в трапезной стояла тишина, только потрескивали свечи. Сказанное князем Василием для всех было полной неожиданностью. Даже княгиня не знала, что супруг ищет сыну невесту. Но вот князь выпил вино, поставил кубок и спросил:

– Аль не рады?

– Да как же не радоваться, – первой отозвалась княгиня Мария.

И разом все заговорили: дескать, самое время ладком, мирком да за свадебку. Лишь князь Илья сидел словно каменный, в лице не было ни кровинки, а глаза смотрели в пространство и ничего не замечали. Даже слез матери, которая сидела напротив сына и поняла его состояние, Илья не увидел. Она же не только плакала, но и улыбалась. Да все было просто: княгиня Мария ведала о сердечной маете сына и страдала вместе с ним, но она знала крутой нрав супруга и улыбалась ему. Самая любопытная из сестер князя Василия, худая и остроносая княгиня Елизавета, спросила:

– Кто же суженая Илюшеньки, братец Степаныч? Ведь должно нам узнать, с кем породнимся. Аль не так?

– Не так, Лизавета, не будет по-твоему. Всему свой час, – ответил ей брат Василий.

Князь Ромодановский не был намерен оглашать имя невесты. Так было заведено в боярских и княжеских родах, и случалось довольно часто, что жених и невеста до дня венчания не знали друг друга, не ведали о своей судьбе. Делалось это ради одного: дабы избежать бунта со стороны жениха или невесты. И в подтверждение этого князь Василий добавил:

– Тебе, Лизавета, все бы ведать. Вот как минует Крещение, все узнаешь во храме.

– И на том спасибо, братец Степаныч, – ответила недовольная сестра Василия.

Но по Москве уже прошел слух, что князь Василий Ромодановский заглядывал в хоромы князей Шуйских, кои жили на Пречистенке. Да многие и сошлись во мнении, что старого князя Василия интересует дочь Шуйских Ксения. И хотя ни лицом, ни статью она не взяла – и князь Василий сожалел о том, – но род Шуйских шел от князей Невских. А о главе дома поговаривали, что он прямой потомок князя Александра Невского, и тут уж князю Ромодановскому не приходилось желать лучшего. Сильны были Шуйские и в милости у государя находились. Рассчитывал князь Василий женитьбой сына вновь упрочить свое положение при великокняжеском дворе.

Однако князь Василий не до конца изведal характер старшего сына и силу его любви к великой княжне не знал. Князь Илья, еще не ведая, с кем у отца был сговор, пошел поперек его желанию и дал себе обет, что воле батюшки не покорится. Повод у него к тому имелся довольно убедительный. Знал он, что в княжеских родах все-таки почитали волю молодых отпрысков, давали им право выбора будущей жены или, на худой конец, право знакомства с будущей невестой. По родословной Илья знал также, что за несколько поколений в роду князей Ромодановских этот неписанный закон не нарушался. «Порушится ли он теперь, мы еще посмотрим», – решил князь Илья, готовясь к новой схватке с отцом.

Перебрав скоротечно услышанное от отца, Илья встал из-за стола и покинул трапезную. Князь Василий не ожидал столь открытого вызова его воле и растерялся. Но оторопь длилась мгновения. Он позвал дворецкого Игната и велел ему вернуть молодого князя.

– Иди и зови его хоть Христом Богом, – наказал Василий.

Илья, однако, не вернулся, и, выслушав трепещущего дворецкого, князь Василий, гневный, неукротимый, полетел следом за сыном. Чем завершилась стычка отца и сына, в палатах Ромодановских никто не знал. В покоях и на подворье воцарилась глубокая тишина. Князь Василий и Илья не выходили даже на трапезу. В доме никто не смотрел друг другу в глаза. Княгиня Мария сутки пребывала в хворости, ее поили отваром валерьянового корня.

А за два дня до отъезда княжны Елены из Москвы князь Илья и его верный спутник отрочества и юности боярский сын Карп исчезли ночью с подворья Ромодановских. Из конюшни были сведены три коня, пропали переметные сумы, а из кладовых ценная рухлядь – меха белок, горностаев, соболей. Утром в доме вновь возник большой переполох. Князь Василий неистово метался по палатам, многих холопов сурово наказали за соучастие в побеге Ильи. Был отправлен отряд вооруженных ратников на поиски молодого князя, было наказано служилым взять беглецов в железо. Но следов Ильи и Карпа, как ни метались по Москве и за нею ратники Василия, не удалось обнаружить.

Илья и Карп покинули стольный град, минуя главные городские ворота. Они уходили на запад. Илья знал, каким путем будет следовать поезд Елены, и мчал без передышки на Звенигород, пытаясь как можно дальше убраться от Москвы, от погони, которая, он это знал, обязательно будет отправлена за ним. Илья покинул родное подворье не сгоряча, он приготовился к дальнему походу обдуманно. Теперь мало кто мог узнать в двух путешественниках князя Ромодановского и его сотоварища Карпа. Ехали по зимнему пути купец с приказчиком. Все на них было с плеч торговых людей: кафтаны, шапки, сапоги. И лицом князь был неузнаваем: рыжая борода и усы изменили его облик. Карп вез на двух конях шесть переметных сум, наполненных товарами и припасами.

Как было задумано, в Звенигород Илья не был намерен заезжать и, обойдя его с левой стороны, двинулся кружным путем к Можайску. Заметил он, однако, что на пути к Звенигороду царило оживление, понял, что в городке уже побывали великокняжеские гонцы, предупредили наместника о продвижении великой княжны. Миновав Можайск, Илья остановился на ночлег в деревне князя Вяземского Кукарино, верстах в пяти от города. Ночевал он в крестьянском доме на полатах, а утром, еще до рассвета, ушел из селения и в тот самый час, когда ворота острокольной крепостишки были открыты для проезда торговых людей на можайское торжище, покинул опасные пределы.

За Можайском в десяти верстах лежал рубеж между Русью и Литвой и стояла застава. Князь Вяземский, всего год назад отошедший от Литвы по договору и призванный Москвой, держал с той поры на порубежье стражников, дабы обезопасить селения и город от набега литовцев. На заставе Илью остановили три ратника и потребовали подорожную и пошлину за вывоз товаров. Илья оказался в затруднении: не было у него подорожной, однако нашелся, что сказать сивобородому ратнику:

– Нет у меня бумаги, милой. У старшего брата она, а он пока еще в палатах у князя Кирилла сны досматривает. Часом и появится.

– Дак мыто¹⁶ за товары выкладывай, – потребовал стражник.

– А это сей миг споровю, – ответил князь, достал кису и щедро расплатился серебром. Взвесив на ладони монеты, стражник остался доволен:

– Эко, не убогий. Ну, с богом. Да берегись: литвины мазурят.

И вот уже Илья и Карп потрусили по чужой державе, но по исконно русской земле. Они еще долго не могли свыкнуться с мыслью о том, что едут по чужбине. На пути к Смоленску, извечно русскому городу, они проехали мимо многих сел и деревень, в которых жили одни русичи. Они различали родную речь, видели на окомах маковки рубленых деревянных церквей и слышали привычные колокольные звоны. Вокруг на сотни верст простиралась русская земля, попавшая под литовскую пядь в годы нашествия монголо-татарских орд. Обо всем этом князь Илья знал не понаслышке, потому как кое-кто из Ромодановичей еще жил под игом литвинов. Грудь болела от досады. В те давние времена литвины и поляки брали Русь голыми руками, когда она была раздроблена на уделы, когда с востока навалилась на нее тьма кочевников. Литовцы и поляки овладели Киевской землей, Волынью, Черниговщиной, Смоленщиной, а потом захватили уделы полоцких, минских, гродненских и пинских князей, которые со времен Владимира Святого стояли под крылом великой Руси.

В пути по просторам отчей земли Илье много и вольно думалось, и он вдруг ясно понял мудрость великого князя всея Руси Ивана Васильевича. Радея об отторгнутой русской земле, он слал сюда свою дочь, дабы ее присутствие в Литве в сане великой княгини, оставшейся в православии, укрепляло надежды россиян на возвращение на родину. Со стороны государя всея Руси это был очень умный шаг. Размышлял, очевидно, государь и о том, что с появлением при дворе литовского князя русской государыни усилится русское влияние, православие поднимет голову. Илья верил, что так и будет, ибо Елена, как сильная личность, внесет в окружение супруга русский дух, русские нравы и обиход. Она, образованная россиянка, даст понять литовцам, что Русь не оставит в беде своих детей в грозные годы притеснений, придет им на помощь.

Еще Илья надеялся на то, что окружение Елены останется русским и там, среди своих, найдется место и ему. Он же готов был служить великой княгине вопреки всем опасностям, которые, он твердо знал, ожидают его. Не знал Илья одного в меру своей неосведомленности. В Литве в ту пору находились умные головы, кои доказывали необходимость создания сильного государства так, как это делали первые литовские князья. В то время Литва грозила стать

¹⁶ *Мыто* (мыт) – налог, пошлина за провоз товаров и прогон скота через внутренние заставы на Руси.

соперницей Москвы в объединении русских земель в самостоятельное государство. Даровитые литовские князья Гедимин и Ольгерд сумели привлечь к себе все силы русского населения Литвы, приучили русичей смотреть на них как на своих, Богом данных государей. Они поощряли браки детей именитых вельмож и православных русских сыновей и дочерей из богатых семей. Дети в таких семьях зачастую приводились в православную веру. Ко времени правления Казимира, отца великого князя Александра, среди русских и литовских вельмож зародилась мысль о создании в Литве центра, собирающего все русские земли. Стольным градом этого государства должен был стать Вильно. В этом стремлении многие видели благое начало. Оно давало надежду общими усилиями избавиться от монголо-татарского ига.

Обо всем этом князь Илья узнал позже. Но к тому времени потуги литовских магнатов и некоторых русских князей станут супротивными и великому князю Литвы, и панам рады. Сам Илья будет одним из упорных поборников отторжения русских земель от Литвы.

А пока Илья и Карп благополучно добрались до Смоленска. Древний город жил по русскому обычаю. Литвинов здесь вовсе не было видно, разве что их можно было заметить при дворе смоленского воеводы пана Хотетовича. Смоленск оставался центром православной епархии, во главе которой находился епископ Иосиф Болгаринovich. Город жил мирно, неторопливо, горожане толпились на торжищах. Торговля здесь всегда шла бойко. Тут выставляли свои товары и московские, и полоцкие, и новгородские купцы. В православных храмах шла привычная служба. Илья, как только устроился на постоялом дворе, поспешил в главный собор, дабы помолиться иконе Смоленской Божьей Матери, как сказывали, вывезенной четыре века назад из Царьграда. В соборе пахло ладаном и воском, горели свечи, прихожане стояли плотно и внимали проповеди епископа Иосифа. Илья пробрался к образу Пресвятой Богородицы, поставил свечу, опустился на колени и вознес молитву:

«Воспеваю благодать Твою, Владычица, молю Тя ум мой облагодати, ступати право мя настави, путем Христовых заповедей...»

Илья попросил прощения у родимых батюшки и матушки за дерзость свою. Он молил укрепить дух его на тернистом пути. С каждым словом вдохновение его возвышалось, дальний путь становился яснее, вера в свои будущие деяния укреплялась. Покидая храм, Илья шел не согбенно, но расправив плечи и вскинув голову.

В Смоленске Илья и Карп провели два дня. На третий день Карп с утра отправился на торжище да вскоре же вернулся. Примчал распаренный от бега, голубые глаза сверкали. Выдохнул с порога:

– Княже Васильевич, нам бы в путь не мешкая уйти. Там купцы гуртом на Вильно выступают. Вот бы и нам с ними...

Илья был скор на размышления, понял, что Карп предлагает выгодное дело. С торговыми людьми проще остаться незамеченными. Князь подхватился с ложа, где нежил косточки, распорядился:

– А ну-ка, друже, покажи сноровку. Пока я с хозяином расплачусь за постой, будь готов в путь.

– Я не замешкаюсь, княже. Ты сам поспеши, ибо хозяина не враз разыщешь.

Илья знал, что посланцы Ивана Васильевича уже побывали в Смоленске и оповестили воеводу Хотетовича о скором появлении государевой невесты. Потому Илья не хотел показаться на глаза ни вельможам Елены, ни тем более ей самой. С тем он и покинул город.

Глава десятая

Путь к Вильно

Желание великого князя Литвы Александра взять в жены русскую княжну было не по душе его старшему брату, королю Польши Яну Ольбрахту. Да и самого Александра Ян не любил. Высокомерный, всегда чем-то недовольный, Ян Ольбрахт почитал в жизни лишь своего отца Казимира. И ведомо было придворным панам, что политика покойного государя по отношению к России при Ольбрахте оставалась, как и прежде, враждебной. Умирая, король Казимир завещал не убирать оружие в «закрома», а держать его всегда в готовности напасть на врага. Еще завещал он постоянно подрывать мощь Русского государства и не отдавать даже в самых жестоких битвах земли Великой Киевской Руси, которые теперь оказались под властью королевства Польского и княжества Литовского. Казимир IV скончался в дни войны с Русью. На смертном одре он потребовал от сыновей Яна и Александра продолжать войну и взял с них клятву.

Вскоре после смерти отца между братьями случился раскол, непрочные братские связи порвались, Александр остался в одиночестве, и три брата, Ян, Фридрих и Сигизмунд, встали стеной против него. Все началось с того, что Александр выразил желание посвататься за какую-либо дочь великого князя Руси и тем прекратить войну с этой державой. Тогда Ян обозвал Александра предателем дела отца. Их ссора произошла в Смоленске, когда город готовился к защите против подступавшей русской рати.

– Ты не только батюшку предал, но и весь наш народ! Ты забыл, что обещал отцу разговаривать с русскими с обнаженной саблей в руках!

– Но я хочу жить с русскими в мире, – отбивался от нападок брата Александр, – и тогда Русь никогда не нарушит наши рубежи. Это ли не благо?

– Смешно, мальчишка, смешно. Ты говоришь о мире, когда русские готовы осадить твой город, когда они готовятся к штурму! Я не удивлюсь, если завтра ты откроешь им ворота.

Ссора братьев могла закончиться для них худшим образом. Ольбрахт грозился увести из Смоленска свое войско, и, несмотря на то, что город мог пасть, он не внял голосу разума и ушел из Смоленска. При этом он бросил в лицо младшему брату жестокое обвинение:

– Ты иуда, и быть тебе под пятой русского Ивана, пся крев!

С тем братья и расстались.

После того как старший брат покинул со своим войском Смоленск, город не пал. Русские воеводы сняли осаду и отвели свою рать от крепости. Казалось бы, Яну Ольбрахту следовало радоваться, но того не случилось. Ольбрахт не спускал глаз с младшего брата и, когда началось сватовство за княжну Елену, всячески мешал его успешному течению, умело подбивая панов литовской рады противодействовать своему князю.

Однако все происки старшего брата оказались тщетными. Пришел час, и Елена была на пути к Вильно. Ничто уже не могло помешать свадебному обряду. Но Ольбрахт и тут не мог уgomониться. Пребывая в краковском замке Вавель, он рвал и метал. Ольбрахт готов был силой остановить появление княжны Елены в Литве и с этой целью отважился выслать под Крево, что находился неподалеку на пути к Вильно, большой конный отряд преданных ему шляхтичей, дабы те разогнали свадебный поезд, а невесту захватили в полон. Сотня отважных шляхтичей, сопровождаемая сотней оруженосцев, умчала из Кракова в литовские земли для исполнения воли короля. Метельной февральской порой, минувя города и селения, отряд во главе с гетманом князем Острожским добрался наконец до леса под Крево и затаился на хуторах близ дороги, ведущей в город. Позже лихой красавец гетман Константин Острожский перейдет на службу к Александру, многожды станет встречаться с великой княгиней Еленой. Он возгла-

литовское войско и в войне с Русским государством будет бит на берегах речки Ведроши за Дорогобужем воеводой Дмитрием Щеней. Тот возьмет Острожского в плен. А пока гетман ждал княжну Елену, чтобы исполнить волю короля Ольбрахта и порушить брак россиянки с литовцем. Но первая встреча Острожского с Еленой состоится еще не скоро.

Поезд Елены двигался к Вильно медленно. Причину того мало кто знал, кроме самой княжны. Она же всего-навсего хотела отдалить день встречи с будущим супругом. В Смоленске Елена провела три дня и не скучала. Еще из Можайска она послала в Смоленск чинов высокого посольства оповестить наместника и епископа о своем приезде. В день появления Елены близ Смоленска уже за пять верст от города ее ждали сотни россиян, и у многих в руках были иконы. Тут был простой люд: горожане и крестьяне, купцы и монахи. Ближе к городу великую княгиню встретил сам смоленский пан Хотетович. Его сопровождали несколько литовских и русских вельмож. Когда Елена вышла из тапканы, важный, с лихими черными усами Хотетович соскочил с коня и опустился перед княжной на колени.

– Великая пани государыня, Литва приветствует вас! – И Хотетович поцеловал Елене руку.

– Спасибо, вельможный пан воевода, но пока я вижу главы православных храмов и русские лица на русской земле, – ответила княжна, не пощадив самолюбия гордого пана.

– О да, да! То так, – смутился воевода. – Но Литва за моей спиной, она распахнула свои объятия, и Вильно ждет вас, – бодро добавил он.

На городском мосту через Днепр Елену встречали многие русские бояре, торговые люди, священнослужители. А в воротах в город ее ждал престарелый, но еще крепкий телом епископом Иосиф Болгаринич.

– Дщерь моя, боголюбица, Господь привел тебя на скудеющую православием землю. Да взойдет свет над нею с твоим явлением, да окрепнут духом сыны и дочери Русской церкви, – приветствовал епископ Елену и, осенив ее трижды крестом, повел в собор.

Смоляне отслужили в честь великой княжны молебен. Все было великолепно, Елена чувствовала себя по-домашнему, словно пришла на литургию в Благовещенский собор Кремля. Она всюду видела родные лица россиян и скорбела, что они отторгнуты от отечества. Простые смоляне тянулись к княжне. Женщины опускались на колени, целовали ее одежды, шептали:

– Защити нас, родимая, от нечисти католической.

– Я с вами, я с вами, – твердила Елена, касаясь рукой то головы, то плеча молодых смолян.

Два дня Елена посещала званые обеды, кои устраивали смоленские вельможи в честь княжны и ее приближенных. Ей говорили много теплых слов и проявляли неподдельную радость оттого, что она впредь будет рядом с ними. Иногда к Елене приходила мысль остаться в Смоленске навсегда и чтобы ее супруг был удельным князем: она имела в виду князя Илью Ромодановского – ничего другого она не хотела.

А жизнь диктовала иное. По ее воле огромный поезд в сотни повозок и экипажей вновь и вновь поднимался в путь и уходил на запад. Шли и ехали с княжной бояре, князья, боярские дети, дьяки числом до шестидесяти. Еще постельничие, стольники, истопники, стряпчие, немало иной прислуги. И сопровождала эту ораву тысяча ратников. Всего в поезде насчитывалось более двух тысяч человек. В хвосте его тянулись еще десятка три купцов, приставших к княжескому кортежу в Полоцке. Попросили они главу посольства князя Василия Ряполовского взять их под защиту от гулящих ватажек шведов. Среди этих купцов были и беглецы Илья и Карп.

Однако, пристав с купцами к поезду Елены, Илья чудом избежал беды. Князь Василий Ряполовский еще в Полоцке велел старосте купеческого обоза представить ему своих торговых людей и на дворе съезжей избы нос к носу встретился с купцом, который показался ему подозрительным и знакомым по темно-вишневым глазам, по изящному носу с горбинкой. Еще

по стати. «Купец» был саженого роста, широкоплеч и тонок в поясе. Взгляд Ряполовского он не выдержал и поспешил разминуться с ним. Потолковав с купцами и узнав, что они везут на продажу, князь решил еще раз взглянуть на «купца» с темными глазами и рыжей бородой. «Обмишулился, „купец“, черной бороде у тебя должно быть, а не рыжей. Ой, обмишулился», – улыбнулся боярин Василий. Он нашел «купца» близ коновязи под навесом и, тронув за рукав кафтана, спросил:

– Торговый гость, ты, случаем, не из стольного града? Кажется, я тебя видел на торгу в Китай-городе, да и в Кремле.

Илья ворошил сено под мордой коня, на князя не посмотрел, наоборот, еще ниже склонился к яслям.

– Звенигородские мы, – ответил он.

– Эко запамятовал, старая голова. Тогда совсем хорошо, выходит, в Звенигороде и видел, как сестру навещал. Сдается мне, что я и батюшку твоего хорошо знаю. Да и лик твой мне не таким видится, а молодым. Вот токмо борода почему-то рыжая. – Князь Ряполовский совсем утвердился в мысли, что перед ним беглый сынок князя Василия Ромодановского, и уже твердо и бодро произнес: – А с батюшкой твоим мы хмельное пивали. – Ряполовский похлопал Илью по плечу. – И друзья мы к тому же с князем свет Василием, тезкой моим.

Илья резко повернулся к Ряполовскому, снял мерлушковую шапку и поклонился.

– Да уж откроюсь, коль так, князь-батюшка Василий, – произнес он. – Батюшка вынудил меня в бега уйти. А всего-то не покорился я его волюшке. Так ведь и сам он в молодые годы ослушался отца.

В голосе Ильи прозвучали обида и боль.

– Ну так поведай, с чего началось? Я-то с пятое на десятое слышал о тебе.

– Уж и не знаю, как сказать. Батюшку моего я не осуждаю. Скорей всего, он и прав, что пытался предостеречь от неразумного шага. Вся вина на мне за то, что в бегах, – начал Илья и рассказал Ряполовскому все без утайки, а под конец добавил: – Теперь знаю, что в твоей власти отдать меня на суд родимому. Однако Христом Богом прошу тебя, князь-батюшка Василий, о милости не ради живота своего, а ради службы будущей великой княгине. Сочти за благо, что не видел меня, дай мне только уехать. – И Илья низко поклонился.

Расстались два князя мирно, старший лишь предупредил:

– Так ты уж иди в сем обличье до Вильно и на глаза ни матушке-княжне не показывайся, ни тем паче Скуратовым или Сабуровым. Захомутиают тебя, как жеребеночка.

– Спасибо за вразумление. А до батюшки о моей вольности пока не доводите, – попросил Илья.

– Укрою тебя. Слова я никому не давал хомутать. Токмо прав батюшка твой. И я бы воли тебе не дал. Да ты как пить дать еще споткнешься на тернистой дорожке. Тогда уж не миновать тебе великой опалы. Так-то.

– Остерегусь, князь-батюшка, – заверил Илья.

На том два князя и разошлись.

Той же ночью в палатах полоцкого наместника, греясь возле своей ласковой и жадной до любви незабвенной боярыни Марии, князь Василий поделился тем, что случилось с ним на дворе съезжей избы. Выслушав мужа, Мария поведала ему о болезненной страсти княжны Елены и, попросив его хранить все в тайне, открылась:

– Сохнет она по нему и во снах его имя твердит. Улыбается блаженно и, словно мы с тобой, упивается нежностью. Господи, какой грех вершит, не ведая того, – частила Мария, отдыхая на груди супруга.

– Все вы грешны извечно, – ответил князь. – Да ты уж не добавляй ей маеты.

Мария побожилась держать сокровенное в себе, но в долгом пути из Полоцка к селу Поставы все-таки не вынесла муки молчания и поведала княжне Елене тайну, какую поручил ей хранить муж.

– Однако ты уж, матушка, не выдай меня моему господину. Плетью попотчует, как узнает. Я-то ему слово дала, что молчать буду как рыба. А вот поди ж ты...

– Не казись, что рассказала о сокровенном. Спасибо тебе, что согрела мою иззябшую душу. Только ты уж больше никому не открывайся, не то беда придет, – предупредила княжна свою болтливую мамку-боярыню.

– Матушка, божусь! – воскликнула Мария.

– Вот и славно. – В голосе Елены звенели радостные нотки.

Ей захотелось хоть разок глянуть на своего любимого, но недоступного. Однако ее головушка уже искала повод, чтобы позвать Илью в тапкану и отвести душу в забвении беседы. Но все тайное вскоре стало явным, и Елена еще долго не могла свидеться с Ильей.

На третий день пути от Полоцка к Поставам, уже в виду села, поезд Елены догнали московские государевы гонцы. Мчали они к князю Василию Рязановскому, а он в этот час, устав от верховой езды и имея надобность посоветоваться, сидел в просторной тапкане княжны Елены и докладывал, что все к ночевке в селе Поставы приготовлено.

– Сколько там будем дневать-ночевать, государыня? – спросил князь.

– Так нет нам нужды в Поставах долго быть. Через ночь и дальше поедem.

Елена уже устала от долгого пути и с отчаянной решимостью спешила навстречу неизбежному. Да и весенние ветры с теплого Балтийского моря подгоняли.

В это время сотский, что постоянно ехал близ тапканы, постучал кнутовищем в дверцу. Василий Рязановский открыл ее, и сотский сказал:

– Князь-батюшка, к тебе гонцы от великого князя, боярский сын Ребров да стряпчий Никита.

Князь попросил остановить тапкану и вышел из нее. Княжне Елене, однако, тоже было интересно увидеть и услышать батюшкиных гонцов. «Уж не напасть ли какая?» – подумала она, с тем и выбралась из тапканы под сильные порывы ветра. Гонцы уже спешили и кланялись князю. Но старший из них, боярский сын Ребров, готовый докладывать князю весть от государя, увидев Елену, замешкался, начал разводить руками и что-то мямлить. Княжна подошла к нему, сказала властно:

– Говори же! Весть от государя всея Руси и мне должна быть ведома. Или ты забыл, кто я? Ребров молча и виновато смотрел на Рязановского.

– Да выкладывай же, что привез! – в сердцах побудил князь гонца. – У государя-батюшки от княжны Елены нет никаких тайн.

Ребров потоптался на месте, развел руками, потупившись, ответил:

– Велено мне передать тебе, как великому послу, волю государя всея Руси. Сказано им, дабы ты, князь, отправил в Москву со сторожами князя Илью Ромодановского, ежели он при вас. А ежели нет, то в поимки людей пошли, добавлено государем.

Князь Василий оказался в трудном положении. «Эко угораздило меня попасть между молотом и наковальней», – с досадой подумал он и посмотрел на княжну Елену. Во взгляде его была мольба: дескать, выручай, матушка-княжна.

Елена не замешкалась с ответом, произнесла решительно:

– Смотри на меня, посланец Ребров, и слушай.

– Повинуюсь, матушка-княжна.

– Князя Ильи Ромодановского при нас нет. Два дня назад он ушел с купцами в Вильно. Вот приеду туда и, ежели есть вина князя перед государем всея Руси, найду его и верну в железах в Москву. Все тебе понятно?

– Все, матушка-княжна, – вяло ответил Ребров.

Слова княжны Елены прозвучали твердо – не поперечишь, – и князь Рязановский согласился с нею, сказал гонцу:

– Все так и будет. Вам же велю ехать с нами до села Поставы. Там заночуете, а завтра уедете с вестью в Москву. – Василий подошел к сотскому, тихо молвил: – Тебе, Прохор, забота о них. Глаз не спускай, отлучаться не давай. Тут литвины вольничают, до исподнего одежду снимают.

– Слушаю, князь-батюшка. Я их в кулаке подержу, – также тихо ответил сотский, поняв скрытое в словах главы посольства.

Князь Василий открыл дверцу тапканы, помог Елене сесть и, сам опустившись напротив, сказал:

– Ой, государыня, не сносить нам головы, ежели гонцы что пронюхают или кто нашепчет им что-либо.

– Да уж так и станется, славный князь, – печально улыбнулась Елена, зябко кутаясь в беличью шубку.

– Одно знай твердо, матушка: Илья перед государем чист. Исповедался он мне... Потому дай мне волю, государыня, нонче же отослать князя Илью в Вильно. Как завечереет, так и отправлю.

– В согласии со мной мыслишь, князь-батюшка, – ответила Елена. – Да передай ему, чтобы берег себя, затаился где до поры.

В Поставы огромный поезд вкатился уже в глубоких сумерках. В пути князю Илье передали волю княжны и князя Рязановского. Он выслушал сотского Прохора с удивлением: «Уведомил-таки князь Василий государыню. – Подумал с радостью: – А ведь печется она обо мне, не отдала на расправу». И пока село было охвачено житейской суетой, Илья с Карпом покинули Поставы и в ночь ушли на Вильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.